

Зоя ДОНГАК

ДУША ШАМАНА

Сказание

(Часть I трилогии в журнальном варианте)

Картина I. ЧЁРНОЕ НЕБО

Предки шамана Конгура издревле жили в тувинском краю с названием Монгун-Тайга: Серебряная тайга. Вся Монгун-Тайга знала о Конгуре как о Бессмертном шамане, ведь он при всех заряжал ружьё, приказывал своему племяннику стрелять в него и оставался живым.

Он среднего роста, крепкого телосложения, с орлиным носом, чёрными глазами и густыми чёрными волосами. Скромный, общительный, добрый человек. Имя Конгур означает — Звенящий. А сыну своему он дал имя Холурааш — Журчащий.

С раннего детства Холур любил слушать мифы и легенды. Их рассказывали бабушка, отец и знаменитый народный сказитель Чанчы-Хоо Ооржак, живший в верховьях Барлыка Монгун-Тайги. Он знал наизусть больше ста эпических сказаний и сотни песен, поговорок, загадок и благословений. Чанчы-Хоо ещё в детстве освоил поющую форму сказа — «ыдыг». Он отказался от родительского наследства и покинул семейный очаг, не став пасти овец. Ходил по юртам и как настоящий акын зарабатывал на жизнь, рассказывая сказки и легенды.

Холураашу особенно понравился миф о Чёрном Небе: «Кара Дээр — Чёрное Небо — находится очень далеко, за девятью небесами, за девятью планетами и за Млечным Путём. Все доброе и дурное происходит по произволению Чёрного Неба. Первым обо всём узнает чёрный ворон и предугадывает всё, что может случиться. Поэтому на плечах шаманского плаща есть фигуры ворона. Если посланник Чёрного Неба — чёрный ворон — кричит, то будет смерть или ребёнок заболит. Если чёрный ворон высоко летит — это к ясной погоде. Если возле юрты собираются вороны, непременно случится ураган»...

Пока Холур вслушивается в бабушкин голос: «Когда Великая Монгун-Тайга бушует, буря беспощадно ломает вековые лиственницы и сдвигает с места камни величиной с барана, горные козероги и архары прячутся в укромных местах, пастухи держат скот в тёплых хлевах, родители не выпускают из юрт детей...» — Конгур разгоняет пургу. Он долго ходит с бубном вокруг юрты, завывая в тон непогоде. Иногда сын не может отличить звуки пурги от голоса отца. Наконец, шаман натоптал след вокруг юрты с одним радиальным лучом на восток и закончил наладку погоды. Теперь он мог продолжить разговор с сыном:

— Шаман может отправляться в другие миры. Он сразу в нескольких мирах живёт. В обычной жизни пасёт овец, коз, сарлыков, охотится, рыбачит. А когда шаман с духами общается, он из тела своего выходит. Может подняться в Верхний мир на своем волшебном коне и в Нижний мир спуститься. Шаманы, посещающие Верхний мир, зовутся Небесными шаманами. А те, которые в Нижний мир спускаются, — это Земные шаманы.

— Папа, скажи честно, это всё действительно существует? — спросил Холур с недоверием и одновременно с любопытством.

— Конечно! — Конгур уверенно кивнул. — У каждого шамана есть свои ээрены: духи-помощники. Без духа-помощника шаману во время камлания ничего не видно. У каждого шамана есть бубен и служит ему ездовым конём. Если в руках шамана бубен, он способен объехать всю землю и пролететь через всю вселенную, — рассказывал отец, покуривая трубку и поглаживая бородку. — Во время камлания шаман видит то,

что не суждено видеть обычным людям. Во время камлания душа шамана улетает на небо, ведь она у него особенная и отличается от души обычного человека.

Конгур много рассказывал сыну о душе:

— Самое дорогое и чудесное у человека — это душа. Для рода самый дорогой человек — это человек с белой душой. Никогда нельзя доверять человеку с черной душой, потому что он думает только о себе, только о своей личной выгоде. Его коварство и вредительство — как чёрная ночь. Есть изречение: «Страшна чёрная ночь, так как чёрной ночью ничего не видно».

— А как шаманами становятся? — любопытствует Холур.

— Обычно в юности у человека, в чьём роду был шаман, «шаманская болезнь» начинается — голова болит, слабость, видения, кто-то голоса слышит. Говорят, это духи призывают будущего шамана. Отказаться нельзя — умрёшь или с ума сойдёшь. Юноше, у которого «шаманская болезнь» случилась, ищут опытного наставника, старого шамана. Тот обряд проводит, проходит «шаманская болезнь», юноша силу обретает, духи ему начинают служить.

— Тебе нравится, что тебя считают шаманом?

— Конечно, ведь люди ко мне обращаются за помощью. Я лечу их. Лечить — это главная работа шамана. А ещё шаманы провожают души умерших. Бывает, умер человек, а душа его среди живых бродит, лошадей пугает, зовёт кого-нибудь из родственников с собой в Нижний мир, во снах является. Тогда зовут шамана, он ловит душу-призрак и в Нижний мир сопровождает. Кроме того, шаманы будущее предсказывают и находят пропавшие вещи и людей.

Род Конгура начиная с прадеда-шамана жил в этом краю, окружённом холмами и горами. Повсюду высились молчаливые курганы и кижико-кожээ — каменные изваяния.

— Почему на скалах и кижико-кожээ столько рисунков и надписей? — расспрашивал отца Холурааш. — Кто сделал их? Куда эти люди подевались? Сколько их было?

— Никто никогда не считал рисунки и надписи на скалах и каменных кожээ. Вырастаешь — сосчитаешь, если захочешь. А те, кто их оставил, ушли навсегда. Их тоже не считали.

— Как люди могут уйти навсегда?! Мы все умрём? И ты? И мама? И я? — мальчик слизывал слёзы и смотрел на отца с надеждой, что тот пошутил. — Что такое рай, что такое ад, папа?

— Говорят, каждый человек за мгновение до смерти понимает истинный смысл своего существования, и из этого мгновения рождается рай или ад. Рай — если ты сможешь сказать себе перед смертью: «Я прожил свою жизнь как должно».

Картина II. ЧЁРНАЯ СМЕРТЬ¹

Однажды вечером Конгур не сразу вошёл в юрту, что-то заставило его оглядеться. Чуть поодаль увидел, как из норки вывалились огромный суслик и перемещался как-то боком. Шерсть зверька была мокрой и неприглядной. Суслик еле удерживал равновесие и вдруг двинулся к шаману, остановился, покружился на месте и, слабо пискнув, распростёрся на земле. Из пасти брызнула кровь. Сперва Конгур не придавал значения находке, небрежно отшвырнув труп зверька носком идика², но суслик не выходил из головы.

— Что это означает? — спросил шаман соседа Серена.

— Раз собаки суслика не тронули, значит, его подбросили нарочно.

К тому моменту жена Конгура Чинчи уже давно болела и вскоре должна была уехать в местечко Ала-Тайга к целебному источнику, популярному испокон веков среди монгун-тайгинцев и соседей — алтайцев и монголов. Чинчи ходила с трудом, испытывая нестерпимую боль в припухших коленных суставах. Долгие месяцы за ней ухаживала старая свекровь Севил, бабушка Холурааша. «Бедная Чинчи! Каково так мучаться от болезни в то время, когда жители всего аала³ говорят о развлечениях бая Бады-Доржу?» — подумал Конгур.

Рано утром отец разбудил сына.

— Папа, зачем ты меня разбудил? Мне снилась рыбалка и Хиндиктиг-Хол.

Недавно Холурааш рыбачил со сверстниками на «озере с пупком» — Хиндиктиг-Хол. Огромное озеро простирается среди заснеженных гор, а в самом центре красует-

¹ Чёрная смерть - чума. В 1964 году в Туве был открыт природный очаг чумы. С тех пор в Республике Тыва актуальна проблема эпизоотий чумы в Монгун-Тайгинском и Овюрском районах (юго-западная Тува).

² Идик - кожаные сапоги с загнутым мысом и твёрдой многослойной войлочно-кожаной подошвой.

³ Аал - поселение из нескольких юрт.

ся «пупок-островок», словно изумруд в хрустальной оправе. Холурааш с друзьями наловили много хариусов. Сначала загоняли рыбу под берег и ловили руками, потом орудовали петлёй, сделанной из конского волоса и прикреплённой к палке, а крупного хариуса точным ударом насаживали на большую рыболовную вилку. Все довольные, с тяжёлыми переметными сумами, с песнями приехали в аал.

— Сынок, собирайся, я тебе покажу, где растёт женьшень — корень жизни. Научу, как его выкапывать. Настало время.

— Почему именно сегодня настало время идти за женьшенем?

— Всему своё время, надо его чувствовать, — сказал Конгур, прикрепляя спереди к поясу тона¹ промасленную суму для защиты от росы, сзади — сурковочку шкуру, чтобы было на что присесть в сырой день, на поясе висел также нож и мешочек с кремнем и огнивом, а в руки шаман взял длинную палку для разгребания травы и листвы и костяную палочку для выкапывания корня.

Отец и сын вышли на тропу, лишённую всякой растительности, натопанную копытами горных коз, архаров. Еле видимая тропа, петляя между камнями, вела к небольшому холму, где бил безымянный ключ, затерянный в завалах камней и дававший знать о себе только подземным журчанием. Они подошли к небольшой впадине, созданной ручейком в скалах. Отсюда, с перевала Сыын-Баштыг, начиналась широкая долина с величественными кедрами и лиственницами. Вовсю распевали птицы. Пересекли «певчую долину», открылась другая долина с другой растительностью. По стволу лиственницы, склонённой над ручьём, перешли на другой берег. Шаман опустился на колени среди разнотравья и, соединив ладони, стал приговаривать алгыш²:

*О, небо — мой отец! Земля — моя мать!
Оршээ Хайыракан! Благословляю вас!
Благодаря вам этот корень жизни цветёт,
Мы живы и наша жизнь соком бьёт!
Благодарю вас за наше здоровье,
Благополучие, счастье, радость нашу!*

Холурааш невольно преклонил колени рядом с отцом. Наступил торжественный момент — среди трав отец бережно отыскал и раскрыл корень жизни. Сын разглядывал растение и с удивлением различил человеческие формы, отчётливо видя, как будто на небольшом и очень тонком стебельке, словно на теле, расходились ноги, руки, вырисовывалась даже шея и голова на ней, а мочки растения походили на длинные пальцы. Холур восторженно прошептал:

— Какое диво — женьшень! О, боже, как ты здесь выжил и вырос среди всяких опасностей!

— При сборе и сушке трав нужно применять специальные говоры, чтобы травы не мучились.

— Научи меня.

— Не запомнишь без долгой практики. Пока просто проси прощения, объясняй, что не всё забираешь и для чего берёшь. Обязательно оставляй достаточно травы на развод и выполняй обещанное. Иначе травы, родники, горы — всё вокруг обвинит тебя...

Чинчи очень обрадовалась корню жизни, когда отец и сын вернулись домой.

— Муж мой, я чувствую себя прекрасно, — уверенно проговорила она и неожиданно для самой себя улыбнулась.

Конгур посмотрел на дорогое лицо, озарённое приглушённым светом луны, падавшим через хараача — дымовое отверстие юрты. Сейчас Чинчи показалась ему такой же, как в дни её молодости. Возможно, откровенная детская улыбка сгладила признаки тяжёлого недуга.

Чинчи была писаной красавицей. У неё были роскошные длинные волосы, большие, как озёра, и чёрные, как спелая черёмуха, глаза, стройный, удивительно подвижный стан и руки умелые, мягкие, нежные. Обладая такой притягательной красотой, женщина оставалась стеснительной, доброй, приветливой.

— Постарайся заснуть, — сказал Конгур. — Скоро придёт сестра Хорлуу, а завтра сын отвезет вас обеих на аржаан Ала-Тайги.

Он коснулся губами чуть влажного любимого лба. Чинчи проводила его улыбкой до самых дверей.

Наутро жена кое-как встала, с трудом собралась в дорогу. Всё было готово к отъезду. Мать Конгура вышла из юрты, чтобы проводить отъезжающих. Мойнак, большая чёрная собака с белым пятном на шее, тревожно виляла хвостом около нагруженных

¹ Тон - верхняя одежда у мужчин и женщин; одна из пуговиц пришивается у левой подмышки, другая - у воротника, чтобы тон, запахиваясь, полностью прикрывал грудь.

² Алгыш - песня, стих.

лошадей.

— Почему суслики дохнут? — спросила Чинчи.

— Сам ещё не знаю, — и тут Конгур, смущаясь, комкая слова, произнёс: — Прости меня, Чинчи! Прости, дорогая, за то, что недостаточно заботился о тебе, бывал невнимательным... — Чинчи покачала головой, будто умоляла его замолчать, но он всё-таки добавил: — Когда ты вернёшься, всё будет по-другому. Я буду другим. Начнём всё сначала.

— Да, — её черёмуховые глаза заблестели. — Начнём!

Чинчи повернулась к мужу спиной и стала смотреть на гору Монгун-Тайга¹. Когда обернулась, Конгур увидел мокрое от слёз лицо жены.

— Не надо, — нежно проговорил он. Она пыталась улыбнуться. Не получилось, только чуть скривила губы. Прерывистый выдох прозвучал, как всхлип. — Ну, успокойся, Чинчи, всё будет хорошо, — шаман обнял жену и, обойдя лошадь, помог ей сесть в седло. — Прошу тебя, будь осторожна, береги себя...

В тот же день Харам-бай остановил ехавшего мимо его юрты Конгура и пожаловался, что какие-то злые шутники подбросили в его загон трёх мёртвых сусликов, которых он держал за окровавленные лапки. Шаман всполошился и решил начать расследование с местечка Хам-Даа возле реки Ак-Хем, где батрачили самые бедные люди, а среди них его родственники по линии матери. В Хам-Даа он насчитал с десяток погибших сусликов, валявшихся на кучах навоза.

Первого больного застал лежащим в постели. Это был старик, отец Мыймана. Грубые черты измождённого лица, на котором резко выделялись густые чёрные брови, а под ними потухшие глаза, — без слов рассказали о страданиях старого человека. Старик полусидел в постели.

— Амыр! Здравствуйте! — Конгур поздоровался.

— Амыр! Амыр! — все в юрте поздоровались с шаманом.

Конгур не спеша выкурил трубку. После окуривания можжевельником бубна и одежды осторожно подержал дунгур над огнём, чтобы бубен натянулся, вновь обрел необходимую звонкость. Сырая кожа издает глухие звуки, поэтому шаман прогревал бубен перед каждым камланием.

Бубен Конгура выполнен из деревянного обода размером с таз. Одна сторона обтянута сыромятной кожей горного козла. На деревянной рукоятке бубна вырезано изображение духа-предка шамана. Ручка бубна символизирует лук, а поперечный деревянный прут с железными подвесками — тетиву. С наружной и внутренней стороны на коже бубна белой краской нанесены рисунки, отражающие картину мира тувинцев. Бубен нес два значения: ездовое животное шамана и лук, из которого шаман стрелял по злым духам.

Конгур совершал моления духам в ритуальном костюме, состоявшем из плаща и головного убора. Плащ был сшит из шкуры козерога. По низу подола, на спине и на передней полке плаща пришиты длинные жгуты-змеи, похожие на оперение птицы. Нитями вышит узор в виде скелета. На рукавах и подоле пестрела вышивка растительного орнамента. По центру спины спускалась длинная красная кайма с девятью солярными знаками. С обеих сторон приделаны медные пластины, символизирующие духов-помощников шамана. Головной убор шамана представлял собой налобную повязку. На ней вышиты три солярных знака. К верхнему краю по всей длине прикреплены перья чёрного грифа. По нижнему краю с двух сторон от лица пришиты короткие ленты — чалама. По бокам пестрели красно-белые повязки с чёрной бахромой на концах.

Облачившись в свой костюм, шаман взял бубен левой рукой и стал мягко, почти робко бить в него деревянной колотушкой. Камлание началось с алгыша² Конгура.

— Оой! Алас! Алас! — начал шаман, очищая жилище дымом можжевельника.

На травы и на деревья горы Монгун-Тайги

Смотрит мое синее небо, да оно смотрит долго.

Оой! На них смотрит моё белое небо, да видит.

Благослови, Монге-Денгер-Хайыракан!

Тихим пением шаман вызывал своих духов, умолял прийти и помочь ему.

Я хочу объехать все материки и затем возвратиться.

И ты, орёл с могучими крыльями, ко мне прилетай.

Кык-кык! Кык-кык! Кык-кык!

Шаман подражает голосу орла, вызывая его.

¹ Гора Монгун-Тайга - Серебряная гора - самая высокая гора Тувы и Восточной Сибири.

² Шаманские алгыши - древнейший жанр устного творчества. Они считаются вершиной поэтической речи тувинцев. Алгыши не могут «жить» без ритуального обряда и относятся к дописанным памятникам истории тувинского народа.

*Я хочу посетить все страны мира — так я намерен.
Где же ты, мой сивый конь, иди-ка ко мне.
Ий-хоо! Ий-хоо! Ий-хоо!*

Шаман подражает голосу коня, вызывая его.

*Я хочу объехать вселенские пространства и вернуться.
Чёрный ворон, прошу тебя явиться ко мне.
Кар-кар! Кар-кар! Кар-кар!*

Шаман подражает голосу ворона, вызывая его.

*Я хочу подняться к небесным краям и вернуться!
Где же ты, птица для превращения, приходи ко мне.
Сыг-сыг! Сыг-сыг! Сыг-сыг!*

Шаман подражает голосу сказочной птицы¹.

Конгур хорошо знал язык и повадки животных и по голосам птиц и зверей предугадывал погоду, выздоровление больного или уход из жизни.

*Дух мой Угу (Сова), ты ночная птица и путешественница, оой-оой.
У тебя глаза красные, как красные шарики, оой-оой.
Ты останавливаешься там, где рося тихая стоит, оой-оой.
Белый зайчик становится жертвой и пищей для тебя, оой-оой.
Ржавый-жёлтый мой филин и мой милый дух, оой-оой.*

Шаман снова призывает духов-помощников:

*Мой дух, ты превратись в медведя страшного.
Мой дух, ты превратись в волка стремительного.
Мой дух, ты превратись в ворона чуткого!
Вот какой символ оставил предок-шаман мне.*

Шаман выпил воды и снова обратился к духам:

*Духи, прошу вас не сотворить ничего дурного.
Прошу отделиться от мяса-тела и уйти подальше.
Духи, прошу вас быть разумными и уйти прочь.
Прошу отделиться от костей и промчатся дальше.*

*Если носитель болезни не отделяется от больного,
Возможно, он ещё не показал свою страшную пасть.
Признаюсь, я своими губами ничего не сорвал.
Признаюсь, я своим подолом ничего не чистил.*

*Кожа козерога служит обтяжкой бубна у меня.
Корень можжевельника служит у меня колотушкой.
И моя колотушка тверда, как вековой гранит.
И мой бубен похож на гору, и звенит он ритмично.*

*Когда держу бубен в руках, его звон летит быстрее ветра.
Когда надо, на плечах несу своих духов-помощников.
Могу добраться до страны царя Эрлик, ведя камланье.
Моё счастье, что стал я шаманом с двойным зрением.*

*Рыжий и круглый конь мой, я тебя выбрал и держу путь.
Полосатый мой плащ, я надел тебя к камланью.
Давайте идти по чертовой дороге, ведя камланье.
Давайте идти по адовой дороге, ведя камланье.*

Шаман несколько раз призывал духов-помощников, но они так и не явились. Выпил воды и снова обратился к духам. Духов не было, а без них шаману не понять, отчего страдает больной. Шаман способен излечить только в том случае, если известна причина болезни, сообщаемая ему духами. Сегодня впервые в жизни Конгура духи-помощники к нему не явились. Раздумывая, он выкурил трубку. Спросил больного, что его беспокоит.

— Горю весь, шею не могу повернуть. Очень больно подмышками и в паху. Очень пить хочу, — старик, постанывая, облизывал губы, собрал остаток сил, откинулся на подушки, стараясь справиться с хриплым дыханием. — А вы видели, как лезут суслики,

¹ В тувинской мифологии часто встречается сказочная птица, которая умеет кричать, говорить или превращаться в другую птицу или зверя.

а? Лезут, везде лезут. Выходят из нор и дышат. Это к голоду или какому-то бедствию! А может, это «кара олум» из самого Бээжина пожаловала к нам? — старик говорил о чёрной смерти (кара олум) — о чуме, будто бы пришедшей из Пекина (Бээжина).

На следующий день шамана позвали в аал к другому больному. Переступив порог юрты, Конгур увидел, что бедняга лежит, наполовину свесившись с кровати над помойным ведром, и держится одной рукой за живот, другой за горло. Старика мучила рвота с желчью и жажда. Дыхание со свистом вырывалось из груди. Лицо позеленело, шея и суставы сильно опухли, на боку виднелись два чёрных пятна.

— Болит всё нутро. И жжёт. Ух, как жжёт, сволочь, как жжёт! — бормотал больной неестественно яркими потрескавшимися губами, моргал глазами и плакал. Жена его, с тревогой глядя на молчавшего шамана, спросила:

— Что это с ним такое?

— Пока ничего определённого сказать нельзя. Не кормите его. И пусть больше пьёт.

На обратном пути Конгур зашел к родственнику Серээ и сказал:

— Это похоже на какую-то заразную болезнь. Она, возможно, передаётся через сусликов. Я слышал от бабушки про болезни кара-олум¹ и бужар-думаа². Когда-то люди умирали от них целыми племенами, их юрты сжигались. Может, теперь опять пришли те болезни?

В родном аале Конгура встретила маленькая, с серебристой сединой в волосах Севил, жившая в соседней юрте. Одета в поношенный выцветший шыва-тон³, она узкими, чёрно-карими глазами приветливо глядела на сына. Мать шамана выслушала известие о сусликах без удивления.

— Сынок, такие вещи случаются. Никакие суслики нам не помешают жить в здравии...

Вернулись домой жена и сын. Как хорошо в родном аале! Чинчи окунулась в покой и тишину и наблюдала за происходящим вокруг. Мать Конгура, согнувшись, медленно шла к своей юрте, с трудом держа в руках наполненные водой деревянные вёдра. Севил, наверное, вспомнив молодость, поставила вёдра и запела задорную песню. Соседская девушка, размахивая непослушными длинными косами, толкла жареное просо. Другие женщины разного возраста сбивали шерсть для кошмы у юрты соседей. Движения женщин были такими плавными и мягкими, что руки Чинчи тоже захотели работать.

Солнце щедро бросает лучи, один из них попадает в дымовое отверстие юрты охотника Анчы. Пригретый солнышком, щурит узкие глазки миленький улыбающийся ребенок. Любовно смотрит на него измученная бессонными ночами мать и тоже улыбается, а Анчы со злобой глядит на обоих, он не может забыть обиды. Ребенок Хайындырым не его, прижит женой от китайца, пока он охотился. Взяв малыша на руки, мать подошла с ним к мужу и сказала:

— Посмотри, как ласково светит солнце, неужели ты не забыл ещё свою обиду? Ведь ребенок мой, а я опять живу с тобой, забудь всё. И будем вместе растить Хайындырыма.

Анчы взглянул на толстогубое, круглое, с плоским носом, родное лицо жены, потом посмотрел на ребёнка и, очевидно, найдя сходство, повеселел. Просветленные лица обоих озарила хорошая улыбка...

За улучшением последовало ухудшение. Чинчи слегла. У неё был сильный жар. Мучила жажда. В чёрных глазах — тоска и усталость, но глаза оставались сухими и спокойными. Казалось, она боролась уже не с болезнью, а со своими мыслями.

— Муж мой, не надо от меня ничего скрывать, скажи правду. Умирать не хочется, я ещё поборюсь, но если дело плохо...

— Ты выздоровеешь, Чинчи. Надо бороться.

Внезапно небо средь бела дня почернело, зарядил ливень с крупными градинами.

— Кар! Кар! Кар! — над юртой каркнул ворон. Шаман вздрогнул.

Конгур, его мать и сын сидели около Чинчи. Сын был поражён: мама непривычно растрёпана, одежда на ней промокла от пота, местами разорвалась, всегда аккуратно уложенные волосы рассыпались по голым плечам, упали на лицо. Необыкновенно красивое лицо выглядело маленьким и измученным в копне неприбранных чёрных волос. Этой ночью предстояла битва с чумой. Чинчи не сдавалась, о чём Конгур догадывался по глазам жены: она их то сжимала в щёлочки, то широко открывала. Иногда взгляды

¹ Кара-олум - черная смерть, она же чума.

² Бужар-думаа - натуральная оспа.

³ Шыва-тон - летняя женская одежда. Покрой тона свободный: халатообразный, распашной. Воротник стоячий. Нагрудная часть левой полы имеет фигурный вырез. Талия опоясывается длинным матерчатым поясом.

супругов встречались. Чинчи делала над собой усилие, чтобы улыбнуться родным людям.

— Попей, — предложил Конгур, приподняв голову жены. Чинчи попила из деревянной пиалы тепловатой воды и устало уронила голову на подушку. — Ты выздоровеешь, дорогая! Я с тобой, Чинчи!

Отчаяние слышалось в голосе шамана. Жестом он отправил сына спать. Поднялся. Снова сел. Опять напоил жену. Стал неумело расчёсывать её волосы. Их было странно много, потоком лежали на ширтеке — войлочном коврикe, настланном на земляной пол. Собрав волосы с пола и держа их на весу одной рукою, Конгур с трудом вводил в толстые пряди деревянный редкозубый гребень. Из тёмных глаз жены хлынула нежность, губы её ожили и зашептали:

— Смолоду я своей гривой хвасталась, а сейчас...

Конгур ещё острее почувствовал, насколько он всегда любит жену! И эти её длинные, густые волосы! Он не удержался: понюхал их и поцеловал.

Собака соседей и Мойнак глубокой ночью зловеще завывли. Шаман вышел из юрты. В крошечной темноте ничего не было видно. Мойнак бешено лаял, то припадая к земле, то поднимаясь на задние лапы. Тувинцы говорят, собака предугадывает значительные события в жизни человека.

Свекровь близко подошла к постели снохи. Глядя на крутой лоб невестки, над которым закурчавились от пота чёрные волосы, громко вздохнула. Чинчи сразу открыла глаза. На миг появилось подобие улыбки, но тяжёлые веки тут же сомкнулись. Свекровь нагнулась над постелью, поправила подушку, приложила старую ладонь к мокрому волосам невестки. И тут раздался слабый голос, идущий как будто издалека. Он не был похож на звонкий голос Чинчи, но это она поблагодарила близких и уверила, что всё будет ладно. За всю ночь она не заговорила ни разу, как будто боялась отвлечься от битвы со смертью.

В полдень лихорадка снова мучила Чинчи. Неукротимый кашель сотрясал тело, в мокроте появилась кровь. Суставы перестали набухать. Твёрдые на ощупь, они походили на желваки. В промежутках между приступами кашля Чинчи лихорадочно бросала взгляды на мужа и свекровь. Веки почти не размыкались, и свет в глазах постепенно гас. Конгур видел на подушке безжизненную маску смерти. Он, шаман Конгур, стоял на берегу реки жизни с бессильными руками, с разорванным на части сердцем, безоружный и беспомощный перед страшной болезнью.

Чинчи вдруг резко повернулась к стене юрты и испустила дух с глухим стоном, словно где-то в глубине её тела лопнула тетива или главная струна.

Следующая ночь уже была не ночью битвы, а ночью тишины. В юрте, отрезанной от всего мира, над безжизненным телом витал покой. Пока тело не окоченело, правую руку невестки Севил подложила под голову, ноги согнула в коленях, лицо и тело прикрыла выделанной тонкой кожей телёнка. Затем усопшую положили на низкую лежанку, спереди закрыв занавеской.

Конгур думал о том, как мало и редко общался с Чинчи. Их любовь смущённо теплилась глубоко в сознании и сердце, стеснялась откровенных проявлений. Но успела громко заявить о себе — родился сын. Жена ушла, жизнь осталась в сыне.

— Мама, я виноват, — сказал шаман матери. — Помнишь, я в тринадцать лет был на охоте с папой и дедом, тогда я нечаянно убил самку горного козла, не заметив её козага — детёныша. Вот за это хозяин горы наказал — нет с нами моей Чинчи.

Родственники и соседи приходили попрощаться, соболезновали. Люди помогали чем могли: кто-то принёс в деревянном ведёрке молоко, кто-то горстку чая.

Перед выносом Чинчи завернули в тонкую белую выделанную кожу, а согнутые ноги не стали распрямлять. Вынесли, приподняв решётку с той стороны юрты, где она лежала. Положили на войлок-волокушу, которую повезли мужчины. Севил произносила прощальные слова, окропляя молоком последний путь умершей снохи.

Холурааш убежал, спрятавшись в кустах и тихо плакал. По тувинским традициям, дети и подростки не должны входить в юрту, где временно покоится тело умершего человека. В этой юрте не должно быть шума и пьяных. Если кто-то появился пьяным на похоронах, его считали родственником чёрта, осуждали и долго не прощали ему выходку.

До кладбища Чинчи, ушедшую за кызыл-дус¹, провожали семь мужчин². Усопшую повезли не очень далеко от аала — в местечко Доргун к большому кусту караганника — на место, обращенное к востоку: туда, откуда «приходят лучи солнца». Холурааш и его

¹ Кызыл-дус - «ушла за красной солью» - так говорят, когда человек умирает.

² По обычаю, количество мужчин должно быть нечетным, а женщинам присутствовать на похоронах не разрешалось. Тело не одевали, в гроб не клали, не закапывали в землю, а оставляли на открытом месте.

друзья часто играли в Доргуне, когда пасли овец. Там они видели много человеческих черепов и костей.

Положили тело на войлок, под голову — плоский камень, укрыли белой выделанной тонкой кожей телёнка. Так и оставили на открытом месте. Мужчины, проводившие усопшую в последний путь, завернули рукава и ушанки внутрь и отправились домой, ни разу не оглянувшись. Вблизи юрт помыли руки водой с можжевельником.

Бабушка нюхала табак из отцовской чёрной табакерки, украшенной серебром, и угощала пришедших своей длинной трубкой из красной таволги.

— Мама больше не вернётся, бабушка?

— В божий мир отправилась, — ответила Севил и зарыдала.

— А где божий мир? Это туда мужчины повезли маму в чём-то белом?

— Повезли маму? А ты, значит, смотрел, как кызыл-дустаан маму увозят? Это нехорошо! По обычаям нашего народа, на похороны нельзя смотреть детям. Надо тебе, Холурааш, теперь помолиться, — бабушка нежно гладила внука по голове, как-то по-особенному. Ему казалось, что бабушкины руки очень похожи на мамины, такие же ласковые, нежные, теплые. — В божий мир только душа мёртвого уходит. Тело должно покоиться на Танды, а душа пройти сквозь ад — этого никто не минует. Люди провожали тело твоей матери.

Бабушка была печальной и особенно нежной к внуку. Она наклонилась к Холураашу и понюхала его волосы, по-тувински выразив свою любовь к мальчику. Он молчал, прижавшись к родной груди. Затем послушно повторял за бабушкой слова молитвы.

Через день после похорон Холурааш встал рано утром. Ему было тоскливо и одиноко. Люди всё ещё подъезжали с табаком, аракой (молочной водкой), чтобы выразить соболезнование. Мальчик выгнал ягнят, козлят и телят на пастбище, оставил скот пастись и побрел в сторону кладбища.

Солнце уже поднялось высоко. Холурааш забрался на холм и увидел, как из лощины взмыли в небо чёрные грифы. Он не раз наблюдал за этими птицами, очищавшими окрестности от останков павших животных. Дорогу к пиршеству им указывало воронье. Увидит гриф скопление ворон и камнем падает вниз. Казалось, птица разобьётся, ведь она кружила так высоко в облаках, что её не было видно с земли. Завидев ворон и сорок возле падали, ребятня начинала смотреть в небо, ожидая падения грифа. Перед самой землёй гриф раскрывал могучие крылья и мягко садился, вспугнув ворон. За первой птицей прилетали другие и с шумом и дракой приступали к пиршеству. После драки оставались огромные перья, которые подбирала ребятня. Их влетали в своей головной убор шаманы. Несколько перьев хранил в юрте и Холурааш. Араты¹ не любили грифов за то, что те в отсутствие падали могли унести живых ягнят или козлят.

Сегодня Холурааш увидел чёрных грифов. Он пошел быстрее к большому караганнику в Доргуне, где лежало что-то огромное, завёрнутое в белое. Это было его мамой. Он подошёл, встал на колени, низко склонил голову. Длинные волосы мёртвой женщины разметались по земле. Откуда-то взялся ветер-вихрь и откинул край покрывала, открыв необыкновенно распухшее лицо, в котором трудно было разглядеть черты родного человека. Кто унёс мамину красоту, её нежность, её любовь? Куда всё подевалось?

Чёрные грифы, вороны и коршуны с криком кружились над мальчиком. Кожа на его голове будто съезжилась от страха. Он изо всех сил помчался прочь и только на вершине горы остановился передохнуть. Сильно вспотел, его бил озноб, зубы громко стучали. Мир вокруг казался грязно-жёлтым, точно погружённым в мутную воду.

Стал спускаться с горы и плакал навзрыд, причитал, резко взмахивал руками, будто просил мать вернуться из мира мёртвых. Ярко сияло солнце, хрустально сверкали ледники на вершине Монгун-Тайги, в чистом небе пролетали турпаны. Холурааш продолжал плакать. Никому не было дела до мальчика, потерявшего мать! Пасущаяся черная кобыла с маленьким жеребёнком робко подошла к нему. Он обнял её за морду и быстро заговорил:

— Кара-Доруг, как мне вернуть мою маму, мой конь? Я очень просил всех вернуть маму. Так горячо молился всем богам, хозяевам всех трёх миров, даже Эрлик-Хаану — хозяину ада.

Лошадь стояла смиренно, она, не шелохнувшись, слушала ребёнка, потому что сама была матерью. Иногда слизывала своими, словно плюшевыми, губами солёные слёзы Холурааша и всхрипывала.

— Почему боги и хозяева не слышат меня? Что мне делать, чтоб вернулась мама? Хоть ты скажи, Кара-Доруг...

Когда через три дня мальчик пришел в Доргун, тела матери уже не увидел, его растащили падальщики.

¹ Арат - кочевник-скотовод.

Ночами Холураашу снились грифы, они тучей кружились вместе с воронами и коршунами около того места, где лежало тело матери. Снилось, как самые голодные, самые зубастые, самые когтистые, самые кровожадные гложут маму, полируют её скелет. Вместо матери он видел во сне груды костей в свете полуденного солнца.

Холурааша постоянно охватывало чувство пустоты и душила непобедимая тоска. На душе лежал камень, и тяжесть камня была нестерпима. Он точно напиться чем-то тяжким и жил, как в глубокой тёмной пещере: без зрения, слуха — слепой и почти мёртвый. Хотя был сыт — сил не чувствовал. Хотя был одет — всё время мёрз. А когда, играя с друзьями, смеялся, его пугал собственный смех, похожий на плач.

Мама унесла с собой что-то огромное и важное, и заменить это не мог никто, даже отец.

На пятый день после смерти Чинчи пригласили шаманку Содуну из рода Иргит, которая поблизости от местечка Доргун зажгла огонь семидневки. Человек после смерти на пятый-шестой-седьмой день обязательно обходит место, где стоит его юрта, приходит к своим близким. С этим невидимым человеком или с его духом говорит только шаман. Если умерший жалуется на кого-нибудь или на что-нибудь, шаман рассказывает об этом родственникам. Мать Холурааша особенно не жаловалась, только пожелала, чтоб сын шёл по стопам отца.

Соблюдая обряд, в огонь положили яства, а после того, как дух умершей ушёл, огонь погасили. Народ разошёлся по юртам.

Когда человек умирает, серая душа остаётся в юрте, главная уходит ввысь. В течение сорока девяти дней в юрте перед божницей горел светильник. Его зажигали, едва наступали сумерки, доливали время от времени масло, чтобы огонь не погас до утра.

Перед тем как ложиться спать, Конгур верхнюю часть юрты закрыл ореге¹. С наступлением темноты им закрывают юрту, чтобы добрые чаяния и помыслы спящих людей, находящихся в юрте, не ушли из неё. Когда утром открывают ореге, лучи большого солнца падают на малое солнце — очаг.

— Папа, а зачем мы светильник зажигаем? Чтобы к нам азалар² не пришли, да? — спросил Холурааш у отца. Тот вздрогнул и отшатнулся от огня, оглядевшись вокруг.

— Нет, сынок, не поэтому. Просто я хочу, чтобы душа твоей мамы шла к богу светлым путем, не заблудилась.

— Лучше бы душа мамы возвратилась обратно к нам.

— Душе мёртвого нельзя возвращаться назад, это было бы несчастьем, сынок. Вот пройдет сорок девять дней, тогда мы поедем в Доргун, проведем последние проводы мамы. Потом нам уже ни к чему будет зажигать светильник.

Холурааш вышел из юрты. Виднелись горы с вечными ледниками. Наверное, там бродила душа его мамы и просила осветить ей путь к богу.

В положенный срок родственники нажарили баранины, собрали сметаны, сыра, творога и араки, пригласили сильного шамана Амыр-Биди из рода Иргит и поехали к большому караганнику в Доргун. Не доезжая до караганника, все стреножили лошадей. Старшие родственники вместе с шаманом прошли дальше, стали внимательно разглядывать место.

— Только косы ещё остались.

— Чем быстрее птицы и звери растаскивают тело, тем лучше человек.

Расстелили на траве белую кошму, разложили на ней еду. Разожгли костёр, в него бросали и лили понемногу приношения. Расселись полукругом перед костром лицом к Доргуну. Приглашённый шаман взял бубен и пропел:

— Твой сын, муж, родные и друзья приехали обменяться с тобой табаком, разделить питьё и пищу. Кушай, не побрезгуй. Не стесняйся, будь как своя. О, Чинчи, не беги от нас! На что обижаешься? Или хочешь повидать кого-то, или мысли чёрные есть? Ох, зачем убежала, Чинчи? Ох, не плачь! Не брезгуй, покури, на! — при этих словах все, кто курил, стали бросать в огонь табак из своих трубок. — Теперь тебе оглядываться

¹ Ореге - войлочное покрывало дымохода юрты.

² Азалар - черти. По тувинским поверьям, черти бывают и мужского, и женского пола. Живут группой. Состарившись, уходят от своих друзей. Старый чёрт предпочитает одиночество. Чёрт сначала не показывает себя, лишь его голос слышится издалека. Местопребывание чертей самое разное: крутой красный яр, старые кладбища, старые стоянки, безводный овраг, глухой откос. Перед человеком чёрт появляется в разных образах, чаще всего в образе человека, но при этом его ноги висят в воздухе. Иногда - в виде красной собаки с тремя головами или в образе филина с длинным клювом. Иной раз чёрт является человеку конём со звездочками, с большими рогами или в виде человеческой головы без тела, с клыками дикого кабана. Иногда - в виде грифа с коровьим хвостом и без головы. У чертей страсть к ночным путешествиям. В местах их сбора ночью появляются синие огни, раздаются дивные песни и длятся с вечерней мглы до рассвета. С восходом солнца черти становятся невидимыми для глаз человека.

нечего. Белой дороги тебе в царство божье!

После того как шаман отправил душу Чинчи в путь, все принялись есть и пить, а женщины начали снова всхлипывать и причитать. Конгуру поднесли араки, он выпил не раздумывая. Недолго, но счастливо жил он с Чинчи. Пришел час расставания с её душой.

Холурааш следил за костром, желая увидеть, как ест душа матери, но так ничего и не увидел. Изредка масло и сало ярко вспыхивали, Холурааш подумал, что душа уходит с улыбкой и с раздумьями от пламени костра щеками. Мальчику стало легче.

Шаман закончил петь и говорить, ему подали почётную еду — курдюк. А Холураашу передали предплечье и ребро, и ему показалось, будто мама своими ласковыми руками подала ему мясо. Он досыта поел. Люди его успокаивали:

— Ничего, сынок, чего не видел отец — сын увидит. Чего не видела мать — дочь увидит.

Каждый человек — сын или дочь своей матери и своего отца. Но не только. Каждый человек — сын или дочь своего народа.

Прошло два месяца с тех пор, как не стало Чинчи. Холурааш лежал на кошме в юрте, то пробуждаясь, то вновь уплывая в сон. Его то сжигал жар, то сотрясал озноб. Конгур знал, что сын болен чумой, но в лёгкой форме. Кожа на губах, слизистые оболочки носа, небо, язык — всё потрескалось. Днём становилось легче, но лежал с закрытыми глазами. Стоило открыть глаза, как они начинали болеть от яркого света, бьющего через дымовое отверстие юрты. А ночью мучения усиливались многократно.

Каждое утро бабушка брызгала чай тос-караком (ложкой-девятиглазкой) в сторону обруча дымового отверстия, потом выходила из юрты и брызгала чай в сторону восходящего солнца, горы Монгун-Тайги, озера, гор, реки и произносила слова благословения:

*Помилуй нас, тайга моя! Помилуйте нас, девять небес моих!
Помилуй нас, Солнце! О милости вашей прошу вас!
О, Монге-Денгер-Хайыракан! Тосдээрим, Долаан Бурганым!
Всё плохое пусть покинет нашу стоянку раз и навсегда!
Пусть всё хорошее, доброе приходит к нам на счастье!*

Бабушка молила бога, чтобы Холурааш выздоровел и вырос работающим, но не богачом. От богатства одни беды и неприятности и черствеет сердце, а что на свете хуже черствого сердца?

Холур увидел кошмарный сон и рассказал отцу:

— В горах я встретил деву-колдунью. Она подала мне сложенный в форме пиалы зелёный лист. В нем была густая сладкая похлёбка. Я выхлебал её. Колдунья держала еще один лист, наполненный чем-то густым и вязким. Дева отпивала маленькими глотками, облизывала губы и улыбалась. «Поешь ещё! — говорит мне она и протягивает сложенный лист. — Насыться». Я почувствовал силу, которая отрывала от земли, и чувство радости. «Возвращайся! — злобно воскликнула колдунья. — Тебе ещё рано здесь появляться!» Она схватила меня за волосы и швырнула через пропасть.

— Ты уже далеко от смерти, сынок! Всё позади, — сказал отец.

На другой день Холурааш проснулся вместе с птицами. Через дымовое отверстие юрты падают лучи солнца, тихо струится, нагреваясь, утренний воздух. Он вышел из юрты. Листья деревьев стряхивают росу, влажная зелень травы блестит все ярче, приобретая хрустальную прозрачность, тонкий парок вздымается над нею. В сиреневом небе растет веер солнечных лучей, небо голубеет. Невидимо высоко звенит жаворонок, и все цвета, звуки рососою просачиваются в грудь, вызывая спокойную радость, будя желание бегать, что-то делать и жить в дружбе со всем живым вокруг.

Самое главное — его чёрный жеребёнок превратился уже в вороного годовалого коня на тонких стройных ногах, с блестящими боками. Холур гордился им как прирожденным иноходцем. Иноходец в беге один шаг делает одновременно двумя левыми ногами, другой — двумя правыми. Холур разговаривал с конём, ему казалось, что тот понимает и шевелит ушами, соглашаясь со сказанным.

Закончилась, наконец, эпидемия чумы. Конгур думал: «Чума обрушивается на людей, когда ей захочется, и без всяких видимых причин вот так уходит». Его мучила мысль, что он, шаман, не смог предотвратить беду, и испытывал чувство вины перед людьми, особенно перед женой. Ему казалось, даже горы в скорби. Воды не журчали весело, как прежде, но рыдали. Холураашу жалко было смотреть на горем убитого и сразу постаревшего отца. Только поддержка матери и присутствие сына удерживали Конгура от отчаянного шага. Мать предостерегала: «Нет на свете таких вещей, ради которых стоило бы отвернуться от того, что любишь». И просила сына научить внука своему мастерству.

Всю свою жизнь Севил прожила в Монгун-Тайге, батрачила на бая, заботилась о своей семье и на старости лет стала всему удивляться, например — соловью. После долгой зимы, страха перед чумой, смерти Чинчи и болезни внука Холурааша наконец-то пришла весна, и для бабушки запел соловей.

- Бабушка, — как-то раз говорит Холурааш, — откройте орёге, гроза кончилась. Севил вышла и открыла орёге. Тёплая сырость после грозы собралась около юрты.
- А теперь слушайте, бабушка, соловья.
- Где соловей?
- Слушайте: свистит.
- Слышу. Дивно как!

Села на выделанную шкуру сарлыка, да так весь вечер и просидела, слушая трели, как молоденькая.

Картина III. ШАГАА¹

По лунному календарю Новый год приходится на февраль и может смещаться с конца января до начала марта. Ход праздника имеет три уровня: канун, первый день нового года, весь следующий месяц. 1897-й год (год Курицы) пришелся в Монгун-Тайге на 12 февраля. Этот день для Холурааша — двойной светлый праздник: его двенадцатилетие и Шагаа (Новый год). В этот день в предыдущие годы из-за чумы и смерти матери ему было горько: люди веселятся, а он пасёт отару далеко в горах.

На этот раз Холураашу посчастливилось. Аал состоял из четырёх юрт, от каждой юрты было по пастуху, пасли в очередь. За два дня до Шагаа в последний день пастьбы Холурааш с наполненным радостью сердцем, не умолкая, упражнялся в горловом пении, перегоняя стадо с одной горы на другую. Его песни слушали архары на высокогорной поляне, не зная, что Холураашу предстоит целых три дня досыта есть и веселиться, изгоняя вместе с отцом нечистую силу!

К празднику Шагаа араты начинают готовиться, едва аалы прикочевывают на зимние стоянки: режут самого жирного барана или сарлыка, разделяют тушу, затем, уложив мясо в брюшину (хырбача), замораживают. Если мясо не приготовить заранее, то к весне любое животное потеряет упитанность и не будет таким лакомым куском на празднике. Беднота, не имеющая скота, мясных блюд приготовить не могла, однако и самые бедные варили хотя бы кашу и свежий крепкий чай не только для себя, но и для гостей.

Из-за того, что наступление Шагаа совпадало с началом весны, Новый год люди называли ещё и праздником весны. В это время араты уже задумываются над молебствием о плодородии: о богатом приплоде домашних животных, о благополучном рождении в семье детей, особенно мальчиков — продолжателей рода.

Накануне Шагаа 10 февраля Холурааш с бабушкой вынесли из юрт вещи, вытряхивали, чистили, избавляясь от накопившейся грязи и хлама. Он наблюдал, как убирается и выметается весь сор, всё нечистое вокруг каждой юрты, как все вокруг занимаются уборкой, достают из сундуков новую одежду, а старую одежду чистят.

Вечером отец извлёк из футляра священную стрелу, нанизал на неё сваренный курдюк, украсил разноцветными лентами и положил в почётный угол. Бабушка вымыла богов, расставила на аптарах (сундуках), украшенных резьбой, изображающей священных животных. Перед богами поставила бронзовые чашечки с пищей, зажгла лампы.

Под потолком юрты, вокруг дымохода, Холурааш помогал бабушке развешивать раскрашенные фигурки домашних животных, а также всю игрушечную домашнюю утварь — крохотные ступки, корытца, чашечки. Эти игрушки, сделанные хорошими мастерами, передавались в семье из поколения в поколение, детям в них играть не разрешали.

В праздник Шагаа всюду преобладал яркий цвет как цвет радости. В чисто прибранных юртах бабушка и отец были в чистых, ярких национальных одеждах — тонах. Даже в самых бедных семьях Чимита, Успуна родители дочерям дарили красный шнурок, бусы, чавага — украшения для косы. На двери вешали талисманы, символизирующие «пять видов счастья»: удачу, почёт, долголетие, богатство и радость.

Холурааш вместе со всей молодёжью расчищал катки, места для городков, затем помог устраивать качели. За аалом появились две высокие кучи из снега, в них воткнули два дерева и сооружён настил из камней — для костра.

На исходе старого и в начале Нового года араты принимали все меры, чтобы помешать козням злых духов и расположить к себе добрых. Холурааш пошёл вместе с Кон-

¹ Шагаа - Новый год.

гуром изгонять нечистую силу в канун Нового года в семью Хертек, которая в старом году страдала от несчастий. Особенно трудно было бороться с наваждениями в таких семьях.

Пропустив Конгура с сыном вперёд, за очаг юрты, где стояли ящички и полочки с бурханами, также чашечки для сжигания масла, Ичин-Норбу принесла дров, поставила чашу на таган. Разведя огонь, хозяин юрты Чамбал обратился к шаману:

— Ещё не скоро Новый год, ещё чай будем пить сначала.

Эта семья верила Конгуру, у него в роду по линии обоих родителей были шаманы. Хозяева юрты также знали, что после удара молнии Конгур остался живым, стал «видеть нечто» и обрёл способность общаться с Верхним и Нижним мирами. Вначале шаман расспросил об обстоятельствах семейных несчастий и стал готовиться к камланию. Грел свой бубен. Дело в том, что кожа, натянута на деревянный каркас бубна, время от времени сыреет, а жар от костра, нагревая кожу, придает ей некоторое напряжение, и в результате бубен начинает издавать звуки нужного тембра.

Конгур, нагревая бубен, проверял тембр звучания, нанося лёгкие удары и вслушиваясь. Как только Холурааш услышал характерные ритмичные низкие звуки, шаман, облачившись в свой халат и шапочку, встал с плетью перед алтарём, на котором горели коптилки и тлеи курительные свечи. Холурааш следил за отцом и всё запоминал. Положив плетью на алтарь, Конгур высыпал золу в чашу, наполненную весенней водой, после чего взял в правую руку плетью, а левой поднял чашу и вознёс молитву:

— Хозяева неба и земли! Доверьте мне небесную связь, с тем чтоб я мог изгнать злых духов из этой юрты, — получив полномочия от хозяев, Конгур обращался с призывом к демонам: — Покиньте обитель людей со скоростью света! — затем шаман взял прутья ивы и, погружая их в чашу, окропил восточный, западный, южный и северный углы юрты, после чего громко произнёс: — Смерть земным духам, которые прибыли с несчастливых звёзд, или пусть они убираются восвояси! — обходил юрту и говорил: — Смерть красным огненным духам в южном углу! Смерть белым духам в западном углу! Смерть желтым духам в центре юрты! — на этом церемония изгнания злых духов не заканчивалась; под аккомпанемент бубна Конгур выкрикивал: — Злые духи Востока, отправляйтесь на Восток! Злые духи Юга, Запада и Севера, отправляйтесь на Юг, Запад и Север! Пусть все духи немедленно исчезнут!

Завершая ритуал, Конгур подошёл к двери юрты, произнося таинственные заклинания, размахивая в воздухе плетью, тем самым препятствуя возвращению злых духов. Работа Конгура кончилась тем, что он поздравил жителей юрты с изгнанием непрошенных гостей и получил за это соответствующее вознаграждение.

Первый день Нового года начинается с вечера накануне и длится до рассвета следующего дня.

В ночь на Новый год с 11-го на 12-е февраля двери юрты и ореге должны быть закрыты, потому что в это время на улице появляются всевозможные злые духи. Закрыв свою юрту и ореге, бабушка пришла к сыну и внуку.

Конгур с вечера закрыл дымоход своей юрты и всю ночь молился, бил в бубен, читал алгыш. В других юртах тоже зажигали огонь, били в бубен и пели, изгоняя злых духов. Для защиты от них нужно было бодрствовать всю ночь, а ранним утром глава семьи срывал печать на двери, плотно прикрытой накануне наступления темноты, открывал дымоход. Так спасались от злых духов.

Парни и девушки разошлись по юртам и играли в разные игры. Холур бежал из юрты в юрту, смотрел, где что делается, и, наконец, утомился. Когда созвездье Чеди-Хаан (Семь Царей) повисло над дымовым отверстием юрты, заснул.

— Эй, соня, Холур, вставай, беги умойся снегом! Сегодня просыпаться нельзя никак! — разбудила внука бабушка.

В юрте шли последние приготовления к празднику. Холурааш выбежал на улицу — все звёзды были ещё целы. На пригорке ребятня с шумом умывалась снегом. Он тоже побежал туда и встретил там загадочного друга Амыра:

— Скоро туда пожелует сам Эжен — хозяин рая, — друг указал в ту сторону, где виднелись сооружения из снега.

— Ой, Эжен! Неужели мы его самого увидим? — воскликнул Холур и усердно начал разглядывать небо. Потом тщательно принялся тереть снегом свои руки и лицо. Когда вернулся в юрту, бабушка, понюхав волосы внука, сказала:

— Ты родился в год Курицы — год обилия птичьего рода. Год богатый — ведь птицы всё едят. В этот год человек не опаздывает и не обгоняет свое счастье.

Конгур уехал на камлание в другой аал. Самый старший в аале Конгура был шаман Бадарчы, и ему предстояло руководить праздником. Начало светать. До восхода солнца Бадарчы раздал кому деревянные тарелки с варёной бараньей грудинкой и курдюком, кому деспи — корыта с вареным мясом и с разными яствами, кому чайник с горячим

чаем.

Все вышли из юрт и поднимались к снежным кучам на возвышенном месте для участия в обряде «сан салыр» — возжигании священного огня. В этот день обряд исполняли представители каждой юрты на своей родовой территории в специальном освященном месте. Между кучами снега расстелили новую белую кошму. Обряд «сан салыр» является важной частью празднования Нового года. Каждый старается попасть на этот обряд, потому что считается: кто примет участие в нём, тому в новом году будут благоволять добрые духи и божества, его ожидают успех и удача.

Бадарчы возжёт можжевельник, дрова и высыпал топлёное масло — огонь бросился в небо, масло затрещало, всё вокруг озарилось весёлым жарким пламенем. Люди встали лицом к костру, а Бадарчы наливал в черпак из чайника чай с молоком и разбрызгивал тос-караком (ложкой-девятiglазкой) на четыре стороны, произнося:

— О, Эжен! Со змей шкуры спадать начали. День нового года просыпается. Всё тяжёлое миновало. Всё хорошее поверни к нам лицом, великий бог! Всем, кто трудом живёт, — благополучия и счастья! Пусть джут обойдёт нас. Кто траву ест, пусть хищных зверей не встретит. Болезни и грехи пусть мимо нас пройдут.

Когда Бадарчы закончил благопожелания, все сняли шапки, положили их перед собой и начали молиться, воздевая вверх руки со сложенными ладонями и постепенно опуская их, поднося ко лбу, к носу, ко рту и ниже, падая ниц. Некоторые тихо шептали молитвенные слова, другие беззвучно их читали про себя, высказывая Эжену затаенные желания.

— Великий бог Эжен, не давай в обиду меня, отца и бабушку, — прошептал Холурааш.

Окончив молитву, старый Бадарчы отошел в сторону, повалился в снег и начал тереться спиной, плечами, ногами, а потом перевернулся на живот, на один бок, на другой, а встав, принялся полоскать в снегу свою шапку. Его примеру последовали и все остальные — валялись в снегу, иные же просто брали снег горстью и терли им свои шубы. После обряда «сан салыр» все разошлись по юртам, где встречали гостей с приветствиями:

— Амыр! Амыр! — по обычаю протягивали вперед согнутые в локтях руки ладонями кверху, склоняясь всем станом.

Холурааш заметил, что пожилому младший протягивал руки ладонями вверх, а старший клал сверху свои руки ладонями вниз. Если встречался ровесник или друг, Холур вежливо опускал свои руки ниже и не допускал, чтобы тот опустил свои руки ниже его рук. Холурааш был счастлив, глаза просветлели, он как равный протягивал для приветствия руки и самым старшим, и самым маленьким.

Кроме протягивания рук для приветствий, в знак уважения к старшим передают что-то из рук в руки. Этот обряд иногда дополняется тем, что младший может на вытянутых руках приподнести хадак (шарф) и возложить его на кисти протянутых рук старшего, тот возвращает его, перекладывая на кисть правой руки младшего, и лишь после этого ритуала оба совершают «чолукшуур». Женщины вместо хадака получали платок.

Во время обряда «чолукшуур» бедные обменивались кусочком белой материи, белой ниткой, хадаками, платками, дадазыном — ремешком от одежды. Чиновникам и прочим важным лицам дарили пушнину белого цвета, табак, чай, материю, какие-нибудь ценности. Местные чиновники в эти дни здорово наживались. А если очень большой чин появится — он всю округу оберет. Обычай этот был насаждён китайскими чиновниками в пользу богдыхана.

Покончив с приветствиями, все принялись угощать друг друга табаком, вкусной едой, и праздник перешёл в стадию взаимных поздравлений, приёма гостей и хождения в гости. Прежде всего, члены каждой семьи поздравляли друг друга. Особенно усердствовать полагалось младшим домочадцам, они спешили поздравить старших первыми, что и сделал Холурааш, поздравив бабушку и отца.

В каждой юрте на медленном огне в самой большой чаше варилось мясо. Вся посуда была наполнена вкусной едой. Собираясь то в одной юрте, то в другой, все пели, играли на музыкальных инструментах, шутили, смеялись, радовались. Ни одна юрта не должна была остаться без гостей, без угощений.

После угощений начинаются игры, слушают сказителей, устраивают гадания. В одной из юрт играли в шахматы долго и упорно стар и млад. В другой юрте играли в казык — астралы, а в юрте Севил шаман Бадарчы занимался гаданием на камнях. Помимо гадания на лопатке и костях животных, было распространено гадание на камнях — хуваанак. Для гадания используют 41 камень. У Холурааша были камни, собранные по одному из разных рек. По словам Конгура, лучшие камни для гадания можно найти только в зобе ворона или глухаря. Холурааш хранил гадальные камни в небольших мешочках, выделанных из тонкой кожи.

На камнях гадают все, кто умеет это делать на любой устойчивой, ровной поверхности. Но верят только таким шаманам, как Бадарчы, у кого практически всегда предсказания сбываются. Гадатель Бадарчы сначала выясняет, что случилось или что бы желал узнать человек, затем составляет каждому его индивидуальный гороскоп на наступивший год.

Картина IV. ВОЛКИ

Светлая весна вступила в свои права на горах Монгун-Тайги. Потемнели склоны холмов, вскрылись реки, воздух наполнился хлопанием птичьих крыльев, громкими криками пернатых на заре.

Холурааш, уже не мальчик, а юноша, ехал верхом. С вершины холма он увидел внизу стадо овец, метавшихся как безумные. Отара, словно сухие листья под вихрем, кружилась на маленьком буторке, а вокруг шныряли серые тени.

— Волки! — воскликнул Холурааш и бросился на помощь.

Волки хватили овец за горло, валили на землю. Овцы блеяли. Особенно жалобно орали козы. Те, что посильней, падали не сразу, пятились, упирались и затаскивали повисшего на них волка в центр стада. Холурааш выстрелил в крупного волка, терзавшего овцу. Пуля ударила в скалу над головой зверя. Волк скрылся в овраге. К стаду подскакал всадник-пастух. Из середины стада вышли девять волков и быстро потрусили в гору.

Зарезанные животные валялись вокруг. Одни еще боролись со смертью, блеяли и пытались подняться, другие лежали неподвижно с распоротыми брюшинами, третьи хрипели, залитые кровью, — больно было смотреть.

Погоня за волками оказалась напрасной, вернулись ни с чем. Араты поклялись жестоко отомстить волкам. Пастухи хорошо знали эту стаю с вожак Кок-Бору, опустошавшую долину у реки Моген-Бурена в течение долгих лет. Волки всегда выбирали самых лучших животных в стаде.

Старинное убеждение, что волк постоянно голоден и готов пожирать всё что угодно, в данном случае было очень далеко от истины. Эти хищники были упитаны и отличались большой разборчивостью в еде. Они не прикасались к животному, умершему естественной смертью, больному и грязному. Выбирали себе на обед самую нежную часть только что убитой годовалой телки. Не любили баранины. Убивали овец ради забавы, как в этот раз. Люди ежегодно придумывали новые средства для истребления стаи, но всё было напрасно.

Однажды хозяин сарлыков Олзей услышал хорошо ему знакомый призывный вой старого Кок-Бору и, приблизившись украдкой, увидел, что стая окружила небольшое стадо сарлыков. Кок-Бору сидел в стороне на пригорке, а стая старалась поймать молодую телку. Сарлыки сбились в плотную массу, выставив навстречу волкам сплошной ряд рогов. Кок-Бору потерял терпение и, покинув пригорок, с глухим ревом бросился к сарлыкам. Перепуганные животные расступились перед ним, и волк вскочил в середину стада. Сарлыки кинулись во все стороны. Кок-Бору настиг молодую телку, схватил за шею и повалил на землю. Телка перекувырнулась вверх ногами. Остальные волки подскочили и покончили с ней в один миг. Вожак не принимал участия в этом убийстве. Швырнув на землю свою жертву, он точно хотел сказать другим волкам: «Отчего никто из вас не сделал этого раньше?»

Олзей подскакал с громким криком, и волки, как всегда, разбежались. Арат насыпал яд на мёртвое тело в трех местах и удалился, зная, что волки непременно вернуться съесть телку, раз они её сами убили. Наутро он увидел, что волки съели телку, не тронув отравленные части. На другой день, едва рассвело, араты во главе с Олзеем отправились на охоту, и вскоре большие собаки весёлым лаем возвестили, что напали на след. Вожак Кок-Бору хорошо знал местность и ушел от преследователей по скалистым ущельям реки Моген-Бурена и её притоков. Его стая разбежалась в разные стороны, а вслед за волками разбежались собаки. Многих из них недосчитались.

На охоте у костра все разговоры были о волках и о том, как поймать Кок-Бору. Особенно интересны были рассказы Балдыша, дяди Холурааша.

— О, твой дядя Балдыш в двенадцать лет был способен на коне догнать в одиночку и остановить волка, нападавшего на барана, — говорил сыну Конгур. — В сорокаградусный мороз сутками мог преследовать волка, не смыкая глаз ни днём во время погони, ни ночью в засаде.

Араты с интересом слушали Балдыша:

— Однажды в декабре я спугнул огромного одинокого серого волка. Я увидел его, поднявшись на сопку. Он бежал изо всех сил, проваливаясь и извиваясь в глубоком рыхлом снегу. Мне стало понятно состояние волка, боровшегося за жизнь, а моим со-

стоянием было состояние молодого придурка, увидевшего ценную мишень. Волк это понял, остановился, повернулся. Мы были слишком далеко, чтобы видеть глаза друг друга, но волк мне что-то предложил, и я принял это, развернулся и медленно покатился назад, унося с собой благодарность волка.

— В чем выражается благодарность волка, дядя? — спросил Холурааш.

— Это трудно описать. Волк поделился лучшим, что у него было, я принял, и пришлось с этим жить. Не могу сказать, хорошо это или плохо.

— Как ты использовал благодарность волка?

— Я научился использовать настроение волка на охоте: глядя животному в глаза, медленно подходишь ближе, и если волк отводит глаза, ты победил, — Балдып замолчал. Казалось, он обдумывал что-то. Все смотрели на рассказчика, ожидая чего-то неожиданного и важного. — Я знаю, где Кок-Бору прожил нынешнее лето, — сказал Балдып.

— Где?

— Вожак со своей волчицей Ак-Бору жили среди пещер и скалистых утесов вблизи аала рода Саая, охотились на овец, коз, сарлыков и собак.

— Сначала надо выследить волчицу Ак-Бору и её убить, — сказал охотник Ёндан.

— Охота загоном с засадой затруднена, так как у волков прекрасное зрение, особое обоняние и отличный слух.

— Может быть, попробуем? — предложил Конгур.

Спустя несколько дней загонщики во главе с Конгуром, обойдя волков, с криком и шумом гнали их в место, где ожидал в засаде Балдып. Подпустив волков, Балдып выскочил из засады на резвом скакуне. Управляя конем одной левой рукой, в правой держа плеть со стремнем, настиг белую волчицу — подружку вожака. Она повернулась к охотнику, чтобы вступить с ним в бой, и завыла. Это был призывный вой. Издалека над равниной разнесся ответный вой Кок-Бору. Но это был последний зов Ак-Бору.

От удара плетью Балдыпа волчица присела на снегу. Конгур набросил аркан на шею волчицы и погнал свою лошадь. Следом скакал Холурааш и оценил красоту волчицы: ровная, густая шерсть была почти совершенно белого цвета. Хлынула кровь из пасти, глаза остановились, лапы вытянулись и бессильно повисли. Араты радовались, волоча мертвую волчицу.

Весь день они слышали пронзительный вой вожака Кок-Бору. В этом вое узнавалось горе. Волк выл не яростно, а жалобно, он как будто звал свою подругу: «Ак-Бору, Ак-Бору!» Должно быть, он шёл по её следу и, когда достиг того места, где она была убита, издал душераздирающий вой, удививший и тронувший даже самых суровых аратов.

Они предполагали, что Кок-Бору будет рыскать поблизости в поисках трупа Ак-Бору. Тут Балдып с сожалением признал свою ошибку:

— Не надо было убивать Ак-Бору, а следовало использовать её как живую приманку.

— Еще не поздно. Возьмем мочу волчицы, — предложил Конгур.

Выбрали пень на волчьих тропах. В щель на пне Балдып засунул кусочек шкуры из хвостовой части Ак-Бору шерстью наружу, пропитанный мочой волчицы. Подвесил на дерево отрезанную лапу волчицы, а другую лапу заложил под упавший ствол лиственницы. И установил самострелы в кустарнике с таким расчетом, что волк не мог миновать стрелы.

Утром следующего дня араты прибыли на это место и нашли волка, пронзенного стрелами. Попавшийся в ловушку Кок-Бору, гроза Монгун-Тайги, был жив, поднялся, оцетинился и издал вой, призывавший на помощь стаю. Но никто не откликнулся. Волк сделал отчаянное усилие в попытке броситься на охотников, но рухнул в изнеможении на землю, истекая кровью. Балдып метнул лассо. Не тут-то было. Волк ещё не сдался, схватил зубами петлю и разорвал одним яростным рывком. Холурааш передал Балдыпу новый аркан. Петля стянулась на шее волка, свирепые глаза потускнели. Холурааш крикнул Балдыпу:

— погоди, не будем убивать его! Отвезем живьём в аал.

Араты просунули в пасть волка палку позади клыков и связали челюсти верёвкой, а затем и лапы. Почувствовав, что челюсти крепко связаны, волк больше не сопротивлялся и не издал ни единого звука, а лишь спокойно смотрел на охотников, точно хотел сказать: «Хорошо. Вы мною овладели, так делайте со мною теперь что хотите».

Связанного волка взвалили на лошадь Холурааша и доставили в аал. Там надели ошейник с крепким арканом и освободили от верёвок. Холурааш поставил возле волка воду и мясо, но тот и не взглянул на них. Лежал неподвижно на груди, устремив свои пристальные желтые глаза мимо Холура в степь, где он царствовал. Араты ожидали, что ночью вожак станет призывать свою стаю, и приготовились к встрече. Но вожак не

стал призывать стаю.

Когда настало утро, волк был мёртв. Мертвое тело Кок-Бору оттащили под навес, где лежали останки Ак-Бору. Холурааш сказал:

— Ты хотел найти её? Теперь никто вас не разлучит.

Картина V. ОЙТУЛААШ¹

Холурааш и его будущая невеста Анай были ещё в люльках, когда состоялось первое сватовство («айтырар») — устный сговор на женитьбу сына. Конгур и жена его Чинчи долго присматривались к семьям, где есть девочки, и решили, наконец, что им подходит род Хертек.

Чинчи старательно чистила и обрабатывала козий пух, из которого делала очень теплую и мягкую подстилку. С этим подарком пришла в юрту родителей новорожденной Анай. После любезного обмена приветствиями Чинчи с разрешения матери Анай очень осторожно и бережно взяла новорожденную на руки и положила подстилку под ягодицы девочки в колыбель, приговаривая:

— В будущем она будет моей невесткой. Не забудется всю жизнь, золото просим.

— Возможно, так и будет, — вежливо ответила мать девочки.

Без дарения нет сватовства. Конгур угощал родителей невесты аракой, подносил им хадак (шарф), плитку зеленого чая матери будущей невесты, табак, кремень и огниво отцу девочки. Эти малые подношения — знак того, что за ними последуют более ценные подарки, о которых оповещают родителей невесты во время сговора.

Второе сватовство («шайбузар») состоялось до пятилетнего возраста Анай. Тогда ей вплетали в косу бусинку. На совете родители договорились «о деле», то есть установили плату за невесту...

Друг детства Амыр как-то обратился к Холураашу:

— Ивы уже пускают сок, на тополях появились сережки. Давай пойдем в лес, смастерим дудки и поиграем.

Эти слова означали приглашение на ойтулааш. Холурааш с радостью согласился, так как очень надеялся снова встретиться Анай в ночном гулянье молодёжи. С волнением готовился. Вечером загнал овец, коз, ягнят, козлят в кошару, приготовил своего вороного коня-иноходца. И вот уже летел его статный конь через речки, горы и ложбины. Отскакивали камни от копыт, следом поднималась пыль.

На ровной дороге, когда конь шел шагом, Холурааш тихонько напевал, упражнялся в хоомее — горловом пении. Журчал попутный ручеек. На камнях бегущая вода иногда издает звуки, похожие на стили хоомея: «борбан» и «каргыраа». Холур подражал этим звукам, а иногда подражал звукам ветра и горного эха.

Он настиг двух всадников, сидевших на одной лошади и тоже певших:

Мой Кара-Доруг иок-иок, на Кара-Даге иок-иок.

У Кара-Дага звенит узда дзинь-дзинь.

Рано утром иок-иок, в Эдер-Куе иок-иок.

У Эдер-Куя седло, узда дзинь-дзинь.

Подковы-копыта на скаку дробью стучат.

Скрипит из черной кожи чепрак-торепчи.

Кремень, огниво, нож бренчат.

Удила, стремя, трубка с кисетом звенят.

Милого коня топот-топот слышен, сбруи шёпот-шёпот...

Около костра на месте сбора приехавшие песней известили, что прибыли на гулянье. Холурааш сразу увидел среди девушек Анай. Она, заметив его, поспешно забежала за спину подруги, чтобы не было видно её зардевшихся щек; она забыла, что в сумерках никто не увидит румянца. Сердечко её ёкнуло, по коже прошла дрожь.

¹ Ойтулааш - это ночные игрища молодёжи, популярные в народе на протяжении многовековой истории Тувы. По сюжетике ойтулааш напоминает лирическую пьесу, в которой диалоги чередуются с песнями и действием. Ойтулааш был свободным театром создания любовных песен, где молодые люди становились певцами, поэтами и артистами. Песню исполняет, как правило, кто-то один. На песню парня отвечает девушка, к которой он стремится. На песню одной группы парней и девушек отвечают песней парни и девушки другой группы. Место для ойтулааша участники выбирают сами. Это полянка или долина. В советский период Ойтулааш был вне закона в Туве. Этот запрет установился во времена, когда в Туве сжигали буддийские храмы, преследовали лам и шаманов, предавали огню шаманские атрибуты. Это было с 1929 по 1944 год. Ныне ойтулааш - важная часть тувинского фольклора и отвечает интересам молодёжи, по пословице, гласящей: «Кто нашёл подругу во время игры ойтулааш, у того семья будет крепка».

Разлилась по горам и долинам задорная песня ойтулааш девушек и парней:

*В пятнадцатую ночь луны мы дудочки из тальника наделаем.
В пятнадцатую ночь луны мы в играх веселимся, пляшем, бегаем.*

*Далеко идти иль близко — лишь отец мне скажет честно,
Будет сухо или скользко — только матери известно!*

*Солнце показалось над горой — сможешь ли его рукой прикрыть?
Сверстник поздоровался с тобой — станешь ли с ним долго говорить?*

*Скромные девицы там, на Мугуре, свадеб ждут.
А шелка и бисер нам здесь китайцы продают.*

*Я слово одно скажу, а потом и два добавлю, —
Всё, что в сердце есть, скажу, лишь тогда тебя оставлю!*

*Твой рот, проверь-ка, он не отвердел? Ведь ты сегодня очень много пел.
Твой конь, взгляни-ка, в стель не ускакал? Ведь ты забыл о нем, как расседлал!*

Холурааш исполнил горловое пение:

*Крутого Монгуна тень, от склона прячься, куда уйдет?
Девушка того аала, от нас прячься, куда пойдёт?
Если хочешь, выйди, Анай, выйди, не капризничая.
Видишь, даже мой конь, Анай, очень устал, тебя ожидая.*

А тут байский сын Суге, подойдя ближе к Анай, громко запел:

*Среди трёх сосен как бы не сойти с ума.
Среди трёх девушек как бы не остаться бобылём¹.*

Анай в ответ запела:

С лиоом, как у льва, сердитый ты не нужен...

Холурааш не вытерпел наглости байского сына и вышел из толпы. Суге гневно закричал на него:

— Твои суставы ещё не укрепились, сопляк! Хуреш² покажет, кто из нас сильнее! Такого, как ты, в небо закину, в землю втопчу! Мы померимся силой рук и ног, матерями рождённых!

Началась схватка. Зрители видели, что противники охвачены отчаянной яростью, неукротимым гневом. На суд божий вышли в этом поединке, с одной стороны, жестокие обиды и любовь, с другой — честь байского рода и ненависть.

Суге, несмотря на всю свою ловкость и силу, сразу понял, что ему круто придётся с этим юношей. Суге был намного старше и крупнее Холурааша, он участвовал во многих поединках и знал, что есть люди, созданные для битвы и обладающие от природы боевым чутьем, которое другие обретают только после долгих лет обучения. С первых секунд борьбы Суге понял, что Холурааш из таких людей. В этом юноше было нечто от орла, который в противнике видит жертву и думает, как бы впиться в неё когтями.

Видя сверкающие глаза, сжатые губы и раздувшиеся ноздри Холурааша, Суге подумал, что соперника должна погубить горячность: он может потерять голову и, ослепленный, будет больше думать не о защите, а о нападении. Но Суге ошибся. Холурааш, зная, насколько искусен и ловок противник, сосредоточился, стал осторожным.

Суге решил биться с наименьшим напряжением сил: не очень теснил противника и не очень пятился, ограничивал движения и, сберегая силы, ждал удобного момента, чтобы применить ловкий приём, решающий исход схватки. Борьба затягивалась. На поляне стояла мертвая тишина. Только слышались то звонкие, то глухие удары рук и ног, похлопывания борцов.

Наступало утро, рассеялась серая пелена тумана, стали видны горы Монгун-Тайги. Луч солнца будто разбудил зрителей. До ушей Суге донеслось:

— Анай — невеста Холурааша с люльки. Суге хоть и байский сын, но он не должен нарушать народные традиции.

Суге, слыша это, почувствовал себя страшно одиноким. Все глаза, глядевшие на него, были глазами врагов. Все молитвы и заклинания, которые произносили девушки, были

¹ В феодальной Туве богатый человек выбирал невесту для своего сына, не спрашивая согласия девушки. Богачи имели даже право отнять невесту у жениха силой.

² Хуреш - национальная борьба.

на стороне Холурааша. Как мог байский сын противостоять одиночеству?

А Холурааш, контролируя ход хуреш, не стоял на месте: он то забежал сбоку, то отступал назад, то появлялся спереди, наклоняя при этом голову и зловеще глядя на Суге. Противники обливались потом, из груди сквозь стиснутые зубы вырывалось хриплое дыхание. Усталость начала одолевать байского сына. У него иссякли и силы, и хладнокровие, и терпение. Болельщики перестали соблюдать спокойствие, среди возгласов Холурааш слышал звонкий девичий голос:

— Холурааш, я за тебя! Срази его, Холурааш!

Этот крик Анай напомнил Холураашу об их свиданиях и об оскорблениях Суге. От любви и жажды мести кровь кипела в его жилах, сердце надрывалось от муки, ярость владела юношей. Холурааш с нечеловеческой силой схватил Суге, левая рука байского сына внезапно онемела и бессильно повисла. Суге в ужасе отпрянул и откинулся, а в это мгновение противник обрушился на него всем телом. Зрители кричали:

— Победа за Холураашем! Холурааш, эр-хей! Холурааш, молодец!

Поединок обсуждался всю обратную дорогу. Амыр пригласил Холурааша в свой аал. В юрте друга в деревянной бочке — хойтпак: проквашенное молоко. Амыр, кивая на бочку, предложил:

— Давай отметим твою победу. Мама с сестрой уехали в гости, приедут завтра.

— Нарушим наш обычай? Знаем же ведь, что до сорока лет — араки в рот ни грамма.

— Мы же только вдвоем. Лишь две пиалы араки, больше ни-ни.

Амыр поставил на очаг чугунный паш-котел с хойтпаком. Холурааш поместил на котёл шууруун — самогонный аппарат из тополя в виде бочки без дна. Затем вместе пристроили над шуурууном наполненную водой чугунную чашу. Чтобы избежать утечки пара, зазор между краями чаши и бочки обернули тряпицей из войлока.

На очаге ворчит шууруун. Пары кипящего хойтпака превращаются в капли араки, стекающей по деревянному желобку. В юрте распространился приятный аромат хойтпака. По капельке за несколько часов набегаёт небольшой чайничек напитка.

Амыр налил Холураашу в пиалу чаю, подал обеими руками, подвинул еду, потом аккуратно разлил араку.

— За твою победу, Холурааш!

По обычаю, перед тем как испить, Холурааш брызнул несколько капель араки на четыре стороны света, чтобы жизненный путь был окроплен благопожеланием. Пригубил и вернул пиалу хозяину юрты. Амыр тоже пригубил, брызнул несколько капель араки на четыре стороны, передал пиалу с пожеланиями снова гостю.

Когда Холурааш, покинув друга, приехал в родной аал, Конгур не спал, беспокоился за сына. Залаяла собака, слыша конский топот. В юрту вошел Холурааш. Прошел мимо отца. Молча уселся на ширтек в земляном полу. Конгур спросил:

— Почему не здороваешься? Что-то случилось?

Холурааш медленно повернул голову в сторону отца.

— Откуда ты взялся? Где Амыр? — язык заплетался.

— Где так напился, Холурааш?

— Ты, великий шаман Монгун-Тайги, не смог спасти маму. Где мама? Раз нет мамы — ты не шаман.

— Успокойся, сынок.

— Я сегодня победил в хуреше Суге. Поэтому выпил араки.

Холурааш лег. Конгур укрыл сына одеялом и улегся рядом, но не мог заснуть и думал о предстоящей свадьбе сына, на которую он пригласил русских археологов.

Встреча шамана с русскими землекопами произошла случайно в Монгун-Тайге. Подойдя к ним, он удивлённо разглядывал их голубые глаза, светло-каштановые волосы, белую кожу и пытался объяснить по-тувински:

— Оршээхайыракан! О, боже! Нельзя здесь копать. Это священная земля! Нельзя трогать базырык — курган. Хозяин земли сердиться будет.

— Амыр-ла! Садись, друг, сюда садись, — по-тувински поздоровавшись, с улыбкой сказал ему самый старший из землекопов, освобождая свое место около костра.

Эта улыбка пленила Конгура и в то же время привела в некоторое замешательство. В первый момент русский ему показался очень старым человеком: обветренное лицо сплошь покрыто мелкими морщинками, большие голубые, как горные озера, глаза прятались в этой сморщенной коже. Но когда он улыбнулся, то вдруг загорелись пламенем прекрасные молодые глаза, кожа разгладилась, сверкнули сохранившие белизну зубы. Наверное, поэтому лицо стало по-юношески и даже по-детски доверчивым.

Копатель покормил Конгура кашей и хлебом. А хлеб-то шаман первый раз кушал. Добродушно глядя на тувинца, незнакомец улыбался, как давний знакомый или родной человек. Показав рукой на себя и на восток, сказал:

– Я из России.
 – Где твоя Арсея? – спросил Конгур.
 – Моя Арсея – Москва.
 – Моя Арсея – вот она! – показывая руками на горы, реки, озёра, с гордостью сказал Конгур.

Выходило, что и у русского, и у тувинца была как будто общая родина Арсея-Россия. Русский показывал шаману какую-то бумагу и что-то объяснял. Конгур читать не умел, просто догадался, что это разрешение на раскопки. Только через несколько лет Конгур Арсею научился понимать.

Русского звали Николай. Он неплохо владел тувинским языком, потому что три года жил в тувинском аржаане Тарыс, где лечился от чахотки и болезни суставов. Потом Николай вернулся в Туву с археологами и, кроме раскопок, изучал обычаи и фольклор тувинцев.

Любопытный Конгур узнал у русских немало. Безграничное удивление у него вызвал компас.

– Мыкылай, еще раз покажи, где река Каргы? На какой стороне находится Тоолайлыг? – снова и снова просил Конгур Николая.

Шаман рассказал араатам о компасе, и везде Николая просили показать компас. То обстоятельство, что русский, совершенно чужой в этой стране, может знать дорогу к местам, где никогда не бывал, вызывало самое оживленное восхищение. А ещё у русского были прометеевы спички, которые он зажигал, надкусывая.

– Мыкылай, какое чудо! Ты можешь добывать огонь при помощи зубов? – удивлялся Конгур. Араты целыми семьями сбегались посмотреть, как это делается. Компас и спички стали платой за гостеприимство и разрешением продолжить раскопки...

Поутру, когда Холур проснулся, отец спросил:

– Ты помнишь вчерашний день, сынок?

– Хуреш с байским сыном помню. У друга всё помню. А как доехал, не помню. Мне очень стыдно, папа. Прости.

– Никогда не пей до одури, Холур. Исполкон веков пьянство у нас запрещено. Араку пьют только по две чашки пожилые люди в особых случаях.

– Больше не буду.

– Готовься к свадьбе.

Картина VI. ЖЕНИТЬБА

Третье сватовство – «дугдээр» – «расплёт» (смотрины), обручение – состоялось, когда Холураашу исполнилось 17 лет, вскоре после поединка, в котором он отбил у высокомерного байского сына желание претендовать на руку и сердце Анай. Конгур волновался. Ему было хорошо известно, что только семейное счастье может окрылить человека, только любимая жена способна раскрыть в муже те качества, какие помогут всё пережить: нужду и бедность, болезнь и разлуку. Женщина подбодрит, поддержит, разделит горести и радости, если даже её не просят. Такой осталась в памяти шамана его Чинчи, и он очень хотел, чтобы сын был счастлив вдвойне: за отца и себя самого. На этот раз отец решил взять с собой нетерпеливого жениха-сына:

– Хочешь повидать Анай? Тогда помогай в сборах и сам собирайся! А то ведешь себя, как мальчишка, а не как жених.

Конгур прятал улыбку, наблюдая за сыном: тот бестолково суетился и светился радостью. Казалось, совсем недавно Конгур сам ходил в женихах и помнил, как тоже потерял разум от ожидания свадьбы, пока отец ударом плётки не привёл в чувство и не отправил его на дальнее пастбище приглядывать за стадом. Конгур, наоборот, украдкой любовался юношей, когда тот замирал-зависал, не слыша поручений.

– А? Что? Что-то сказали? Я просто задумался, – виновато бормотал Холурааш под смех окружающих, проникнутых белой завистью. Мысли о том, что совсем скоро он и Анай станут мужем и женой, заливала смуглые щеки юноши детским румянцем, а тёмные, почти черно-карие глаза сверкали огнём.

– Холур, отойди от ивовых прутьев, они вот-вот вспыхнут от твоего горячего взгляда! – пошутила бабушка.

Родители невесты хлопотали, готовились к приезду сватов. Анай, скромная, тихая и приветливая, ловила на себе взгляды: нежные, гордые, тревожные, любящие.

– Как быстро подросла моя дочь! Совсем недавно я вплетала в ее косичку лишь бусинку, затем боошкун, а теперь настала пора украсить её волосы чавагой, – украдкой смахивая слёзы, не то жаловалась, не то гордилась мать Анай.

Конгур слез с коня, отвязал от седла кожаную фляжку. Положив на остов юрты пучок свежих веток ивы – символ зарождающейся семьи, переступил порог.

— Амыр-ла! Здравствуйте! — приветствовал всех, слегка поклонившись.

— Мир и вам! — отвечал сначала хозяин юрты, затем остальные.

— Здоров ли ваш скот? — спросил Конгур, присаживаясь и расстелив перед собой полу халата, поставил на неё кожаную фляжку, медленным движением достал висевшую у пояса в изящном футлярчике табакерку из малахита и подал её хозяину. Тот, в свою очередь, соблюдая правила вежливости, извлек свою табакерку и, подав, ответил:

— Наш скот здоров, а ваш как?

Каждый из мужчин, отвинтив пробку табакерки, к которой была прикреплена маленькая ложечка, зачерпнул табаку и, высыпав его на ноготь большого пальца левой руки, отправил в каждую ноздрю по понюшке, продолжая обмен учтивыми вопросами:

— Благополучны ли от всяких бед и болезней?

— Избавлены ли от джута? От всякого зверя?

— Обильно ли молоко? Хорошо ли упитан скот?

— Охраняет ли вас судьба от казенных гонцов?

После этой обязательной церемонии перешли к разговору о деле:

— Мы прибыли, чтобы разделить косу нашей невесты на три, — Конгур первым делом преподнес хозяину и хозяйке хадак — отрезы белого шелка и кожаную фляжку с аракой.

Холурааш, как все мужчины-тувинцы, носил косу на макушке. Его посадили рядом с Анай. Радостное волнение молодых выдавали их залитые румянцем лица и сверкающие огнём глаза. По традиции, их косы расплели и торжественно расчесали так, что волосы смешались. Считалось хорошим признаком, когда волосы жениха попадали в руки невесты, а волосы невесты — в руки жениха. А если волосы молодых были одинакового цвета и, слившись, мало различимы, то этот факт объясняли их духовным родством, расценивавшимся как залог счастливого брака. Холуру и Анай повезло.

Толстую косу Анай разделили на три косы, а ту часть, что была ниже плеч, соединили в одну, в которую вплели шёлковые черные нити (чалаа-кара) с нанизанным бисером (боошкуном). Украшения мелодичным перезвоном сопровождали каждое движение невесты. Под звучание нежной песни голову Анай украсили дорогой узорчатой чавагой — расшитым серебряными пластинами с бусами и нитяными кистями куском тонкой кожи. В ушах Анай трепетали и издавали нежный звон серебряные длинные серьги в виде колокольчиков с язычками из кораллов. Преображённая, улыбающаяся, сияющая ровными белыми зубами девушка стала ещё красивее.

После обряда с косами Анай считалась обрученной девушкой, занятой приготовлением к свадьбе. Затем, следуя традиции, молодые должны были приобщиться к совместной трапезе. Холурааш, как полагалось, держал в зубах варёный кусок мяса верхней челюсти барана. Ему никак не удавалось отвести нежный взгляд от милого лица невесты. Анай, откусывая мясо от этого же куска, смущалась под пристальным взглядом жениха и старалась смотреть в сторону. Обряд «чирик ызыртыр» символизировал отрыв невесты от родительского дома.

На другой день Холураашу предстояло впервые войти в юрту невесты. Мать Анай налила Холураашу мясного супа. Съев традиционный суп, жених поклонился и поблагодарил хозяйку. Родственники жениха завели разговор:

— Три сватовства провели, три косы заплели, теперь нужно уже к деловому сговору переходить.

Начался настоящий торг: обсуждалась плата за невесту. Анай, хотя и знала обычаи своего народа, всё же была неприятно удивлена настойчивой расчетливостью родителей. Особенно непреклонной в торге была мать невесты, которая родила, вскормила, выходила дочь и вот продаёт её чужим людям за четырёх дойных коров, за коня и вола, за шесть овец и коз, за шкурки-кожи, за молочную водку. Этот родительский торг не нравился невесте. Одно утешало Анай: она любит Холура, а он любит её. А ведь совсем недавно её лучшую подругу, красавицу Ай-кыс, родители насильно выдали замуж за нелюбимого богатого старца, получив за нее немалое богатство. Анай с ужасом думала: «А если бы меня, как Ай-кыс, выдали замуж насильно за жирного Суге? Нет, я бы ни за что не согласилась, даже если бы за меня отдали все стада Монгун-Тайги!»

Когда переговоры о калыме закончились, начался праздничный пир. Он никогда не ограничивался застольем. Главной изюминкой праздника были выступления борцов и состязания скакунов. Настал черёд самого интересного для тувинца зрелища — скачек. На лучших конях сидели мальчишки 10-12-ти лет. Среди иноходцев был вороной конь Холура с седоком-мальчишкой Анчы. Скакуны так и рвали поводья. Распорядители скачек повели участников к стартовой линии. Зрители объединялись в группы. К Конгуре присоединились Холур, Холугу, Амыр, Хойлак, Орге, Бады. Через какое-то время послышался возглас:

— Приближаются скакуны!

В степи появилось облачко пыли, показались кони. Болельщики кричали, спорили, бежали туда-сюда.

- Впереди конь Амыра!
- Скакун старика Опан догонит и перегонит того, что впереди!
- Нет, того не догнать.
- Четвёртый третьего догоняет, гляди! Это Чугурук-Шилги из семьи Кечила.
- Впереди конь Холурааша, это Дас-Кара!

Кони приближались к финишу. Развевались на ветру гнедые, рыжие, вороные, каурые гривы. Гулко стучали копыта. Бешено стучало и сердце Холурааша.

На каждом состязании были певцы и сказители, прославлявшие скакунов, пришедших первыми. Вот Чанчы-Хоо становится напротив коня Дас-Кара, взятого под уздцы Холураашем, и громко выкрикивает:

*Быстрее стрелы летел конь к цели!
Горы и реки слышать могли
Топот копыт, что громом гремели.
Как сокол, быстрым был Дас-Кара.
Пугливо птицы из гнезд летели,
За пылью скрылся, отстал табун.
С ветром спорил и неся к цели
Непобедимый вороной скакун.
На лбу звезда — от предков награда
Коню, что стоит табуна.
Хозяин рад и араты рады
Победе вороного скакуна!*

Старик Даак — человек самый уважаемый в аале — привязал к удилам Дас-Кара небесно-голубой хадак. Подошел Холугу с пиалой, наполненной молоком, и подал её старику. Тот окропил молоком коня, вылив остатки на гриву.

Наступило время борцовских поединков. Болельщики расположились кругом на зелёном лугу. Посреди круга были постелены войлочные ковры. Сначала судьи выкликали имена знаменитых борцов, приглашая их на поле. Те исполняли прекрасный «де-виг» — ритуальный танец орла. Потом выбежали секунданты и выкрикивали:

– Выпустить прошу соперника моего борца Кашпык-оола, пугающего одним видом своим горе-слабаков, кидającego за спину борцов кичливых. Сильны его предки, народом не забытые. Богатырской силой и ловкостью прославился он сам. Вот он — Кашпык-оол, уставший ждать поединка, — начал секундант Сундуй. Ему ответил секундант соперника:

– Прошу повременить немножко: ведь борцовские доспехи не налезают на моего гиганта. Он велик, как гора...

Победил Кашпык-оол.

Праздник продолжался несколько дней. Довольные родственники жениха «сняли оставленную ветку ивы» в знак перенесения нового очага с остова юрты семьи невесты и отправились домой.

Настал день перенесения нового очага. Холур вместе с отцом и родными поехал в аал будущей жены. Дорога зигзагообразно проходила по красивому ущелью, вдоль которого безоглядно спешила в неизвестность горная речка. Каменистое дно просвечивало сквозь кристально чистую, сладкую на вкус воду. С узкой прибрежной дороги путникам хорошо были видны юрты, стоящие на склонах высоких гор. Вершины гор, покрытые нетронутым снегом, освещённые утренним робким солнцем, вычурными рельефами выступали на фоне бирюзового неба и манили ослепительной белизной ледников.

Зеленая долина распласталась вольно и широко. Уже во всю силу припекало солнце, согревало изумрудную траву. Деревья и кустарники за последнюю неделю преобразились: их броский зеленый наряд притягивал взгляд новизной и свежестью. На лугах запестрели, зашептали нежными лепестками под вдохи-выдохи ветра чудные своей незамысловатостью полевые цветы.

Гостей радостно встречали родные невесты. В родительской юрте Анай для Конгура постелили специальный красивый коврик с орнаментом, остальные гости расположились на кошме, по-тувински сидя на одном колене, выставив другое колено вперед. На Холуре был длинный халат. Конгур обратился к собравшимся:

– Вот прибыл я, Конгур, чтобы соединить наших детей. Что я скажу, мои сваты? Один я остался. Ничего нет у меня на уме, кроме счастья Холура и Анай. В честь этого важного события примите мой подарок!

Конгур, по обычаю, держа пиалы с молоком и хадаки (отрезы белого шелка) двумя

руками, почтительно поклонившись, торжественно преподнес дары родителям Анай. Во время исполнения обрядов Холур и Анай обменивались взглядами, в которых было столько тепла и любви, что, казалось, они могли растопить снежные шапки виднеющихся гор. Конгур взял в руки баранью лопатку. Молодые с повышенным вниманием наблюдали за действиями шамана, так как этим обрядом определялась дата свадьбы — день, когда Анай уедет из родного аала.

Перед этим жених должен был поехать в юрту родителей невесты «зятьевать», то есть помогать по хозяйству, чтобы продемонстрировать своё трудолюбие. Этот обычай так и называется: кудээлээр: «зятьевать». В первый день кудээлэра вслед за Холуром к матери Анай приехали её родственники, а с ними дядя Мылдык. Мать Анай Долгар пригласила всех пройти в дор — почетное место в юрте. Усадила всех на кошку и стала угощать душистым зеленым чаем с молоком сарлыка, далганом из ячменя с кусочками топленого масла, ааржы — сушеным творогом со сметаной и сыром. Разливая чай, хозяйка каждому гостю, по обычаю, двумя руками протягивала пиалу, приговаривая:

— Познакомьтесь с моим зятем — Холуром. Он вовремя приехал. Сейчас посмотрим на его способности.

— Оо, у зятя надо характер проверять, у лошади надо ход узнать, — Мылдык вторил сестре.

После чаепития Холуру предстояло заколоть барана. Вместе с хозяйкой он вышел из юрты. По её указанию жених выбрал из стоящего в загоне стада лучшего барана. Метким движением ножа сделал в нужном месте грудной клетки барана надрез и, просунув внутрь руку, быстро разорвал артерию. Отделив конечности, сделал надрезы на шкуре и начал снимать шкуру от грудинки к позвоночнику. Место разреза в брюшной части «зашпилил» деревянной спицей. Вначале снял шкуру с одного бока и аккуратно расправил её на земле, затем — со второго бока. Для удаления внутренностей произвел длинный поперечный надрез брюшины на уровне крайних ребер. Для того, чтобы часть оставшейся брюшины (сакпак) не мешала ему, её зафиксировал на передней конечности «продеванием в разрез». Вывалив часть внутренностей на шкуру, руками осторожно отделил желчный пузырь, удаляя его с частью печени по направлению от края к протоке. После этого удалил внутренности желудка.

— Молодец Холур! Всё делает правильно и быстро! — похвалил Мылдык.

Для предотвращения проливания крови из грудной части сделал два надреза по сторонам брюшины и вставил туда задние конечности. Для облегчения сбора крови из грудной части надрезанную часть диафрагмы фиксировал с помощью задней конечности. Затем, надрезав диафрагму, отделил печень, лёгкие с сердцем. Сердечную сумку, отделяя надрезом в районе соединения с аортой, вывернул. Сердце разделил на четыре доли. Часть брюшины вырезал длинным ремнем. После отделения брюшины приступил к отделению прямой кишки и мочевого пузыря, для чего ножом разделил тазовые кости. Сделал надрез вокруг прямой кишки, затем её удалил. Отделил грудинку от ребер справа и слева и от брюшины. Затем отделил голову. Отделил рёбра от позвоночника. После рассечения мышц позвоночник переворачивал и ломал руками. Тушку барана раздвигал, отделяя мясо, разрезая кости по суставам.

Разделав барана, Холурааш погрузил в кипящий котел предпочитаемые тувинцами баранью печень, почки, сердце, очищенные кишки, куски мяса и хан — кровяную колбасу. Манящий своей сытностью запах наполнил юрту. Долгар, склонившись над котлом, выхватывала из бульона варёное мясо и складывала в деревянное корыто. Каждый гость получил обязательный кусок горячего хана и кусочек печенки. Позже подавали позвонки, рёбра, лопатку, бедренную кость.

Холурааш достойно выдержал все испытания — показал свои умения. Родители и родственники Анай смотрели на Холура с одобрением:

— Хороший муж будет у Анай, во всём умелый!

Все обряды были соблюдены на территории невесты. Теперь Анай должна покинуть родительскую юрту и родной аал. Долгар, не скрывая слёз и всхлипывая, напутствовала дочь:

— Доченька, в народе говорят: «Где камень бросил, там и лежит, — куда дочь отдал, там и живёт». Сегодня ты уезжаешь в чужой аал, в чужую юрту. Каждое утро раньше всех вставай, выходи из юрты, проверяй скот, снимай ореге. Зажигай огонь под треножником, заваривай чай. Не забывай верхней частью этого чая окроплять огонь очага, затем выходи из юрты и окропляй небо и землю. Первую пиалу с чаем подавай мужу, только потом гостям.

— Мама, как же я там без вас буду жить? — заплакала Анай.

— Привыкнешь. Свёкор Конгур с твоим мужем должны через месяц после свадьбы отправить тебя к нам в гости. Мы дарим вам с мужем новую юрту и другое имущество, трёх сарлыков, двух лошадей, около десятка овец и коз. Так что вы станете вполне бога-

тыми. Живите на радость нам!

И вот Анай, её родители и родственники отправились в день свадьбы к стоянке жениха. Невесте выделили самого хорошего белого коня Эмдик-Бора с красивым седлом. Остов седла был изготовлен из дерева, луки обиты костяными накладками. Седельная подушка обита бархатной тканью и украшена орнаментированными бляхами. По бокам седла свисали кожаные чепраки с вышивкой по краям, стремяна и кожаные тебеньки-тепсе.

Летняя свадебная одежда, сшитая из зеленого шелка, ярко выделяла Анай. Покрой тона был свободный, халатообразный, распашной, а воротник стоячий. Нагрудная часть левой полы, как было заведено, имела фигурный вырез. Воротник, вырез и рукава аккуратно окантованы шелковой тесьмой желтого цвета. Талия подвязана длинным матерчатым поясом из шелка оранжевого цвета. Обувь Анай — кожаные сапоги с характерным загнутым и заостренным мысом и твердой войлочной подошвой. Из-под шапочки на спину невесты спускались три черные косы с боошкуном и чавага, соединенные поясом в одну. Анай ехала впереди в полном наряде невесты с накинутым поверх тона свадебным покрывалом. Невесту окружали пожилые женщины.

По прибытии процессии в аал жениха невесту отвели в юрту молодоженов, подаренную родителями невесты и установленную недалеко от юрты Севил. Стены новой юрты скреплены по кругу двенадцатью звеньями складной решетки. Куполообразная крыша состоит из тонких длинных палок, привязанных одним концом к стене-решетке, а другим концом вставленных в деревянный круг, служивший светодымовым отверстием — хараача. Дверь сделана из дерева с входом на восток. Остов юрты покрыт семью полосами войлока, скрепленными верёвками из конского волоса. На земляном полу красуются войлочные коврики и шкуры. В центре юрты располагается домашний очаг с таганом-ожук на четырех ножках, где в чугунном котле варится чай.

В правой от входа женской стороне — кровать с одной длинной подушкой, расшитой красивыми узорами. В юрте есть всё для хозяйства: деревянные кадки, блюда-крытца, деревянные вёдра и подойники, выдолбленные из ствола тополя, с волосистой дужкой и берестяным дном, деревянные большие ступки для размельчения зерна в крупу и маленькие ступки для толчения соли и кирпичного чая, шууруун — деревянная кадушка для перегонки проквашенного молока в араку, ручная каменная мельница. В деревянном шкафчике — деревянные чашки с блюдами и ложками, кожаные фляги, чугунные котлы для варки мяса и чая, кожаные и войлочные мешки для хранения продуктов и посуды.

От двери кругом до дор (почетного места юрты) в левой мужской стороне юрты около двери лежали седло, узды, железные удила, стремяна, тебенек, сбруя, большая перекидная сума из белой кожи и переметные сумы поменьше. Дор, где принимают гостей и сидит хозяин, — прямо напротив входа за очагом. За почетным местом у стены стояли четыре деревянных декорированных сундука (аптара) с выдвигаемыми ящиками для хранения вещей.

Анай сидела на кровати, шурша тончайшим китайским шелком халата. Остроколючая высокая её шапка была оторочена чёрным соболем, расшита золотом, наверху — шишка, вышитая мелким бисером. Из-под ярко расшитой шапочки на спину Анай спускались три черные косы с чавага, соединенные поясом в одну. На опояске висел дракон из литого серебра, во рту у него — цепочка ключей. Лицо Анай закрыто свадебным покрывалом. За невестой ухаживала уважаемая в аале женщина Допулдук. Когда Анай выходила из юрты, Допулдук шла за ней, как тень.

Жених не имел права входить в новую юрту, пока не появятся звёзды на ночном небе. Юноша нервно описывал круги вокруг юрты. Ждал появления звёзд. На Холуре праздничный бордовый халат — шыва-тон с глубоким запахом, без манжет. На ногах идика на толстой подошве из черного хрома с загнутыми носками с замшевым зеленым кантом. На голове шапка с широким куполообразным верхом, на верхушке с «дошкой» — шишечкой. Высокий стоячий воротник. Рукава тона окантованы шелковой тесьмой зеленого цвета. Зеленая опояска сделана из тончайшего китайского шелка. Поясок блестит от серебряных резных украшений. К нему крепятся два ножа с тонкой серебряной чеканкой на рукоятках и ножнах, с боков ножен прикреплены две палочки из слоновой кости с серебряными наконечниками. На отдельной цепочке висит огниво в футляре серебряной чеканки, к огниву прикреплена морская раковина удивительно нежной окраски. Наряд жениха, не менее интересный, чем наряд невесты, выполненный умелыми мастерами, добавлял возраста и внешней мужественности, но Холур выглядел растерянным мальчиком на собственной свадьбе.

Конгур, начиная свадебный пир, благословил молодых:

— Холур и Анай, родные и милые дети! Пусть у вас всегда будет обилие вкусных кушаний. Пусть у вас будет много друзей, дружных, как куропатки. Дочка, родная наша

Анай! Будь нарядной, как цветы всего мира. Твои украшения из серебра пусть делают тебя ещё краше. Пусть у тебя будет много подружек, как шишек у деревьев хвойных...

Картина VII. НАСЛЕДНИК

Шаман Холур ожидал ночи и того часа, когда можно начать камлание. Всё это время его кормят, поят и чествуют. Варят сытный и вкусный ужин. Собираются люди в юрте, мужчины с левой стороны, женщины с правой стороны. Когда все поужинали, шаман медленно расплетает косички, что-то бормоча и отдавая различные указания. Он нервно и искусственно икает, отчего всё его тело странно содрогается. Глаза уставлены неподвижно в одну точку — в огонь. Огонь понемногу гаснет, юрту наполняют сумерки, дверь запирается, наступает полное молчание. Холур, выкуривая трубку, приступает к работе.

После обкуривания можжевельником бубна и одежды шаман осторожно прогревает бубен над огнём, чтобы тот вновь обрел необходимую звонкость. Медленно снимает с себя рубаху и надевает свою специальную одежду: тон, увешанный железными пластинками, с медной бляхой на груди, и шапку. Кожаный халат шамана весит двадцать килограммов из-за многочисленных железных пластинок, закрепленных сзади. Эти пластины символизируют конские колокольчики, а бахрома — конскую гриву и хвост. Наряд шамана — это конь, на котором шаман отправляется в дорогу к духам. Причём и бубен шамана — тот же самый конь и буквально называется по-тувински: «шаманский конь». На шаманской шапке — два диска-зеркала, во время путешествия шаман сквозь них смотрит с закрытыми глазами.

Холур, сидя, взял бубен левой рукой и начал бить в него деревянной колотушкой мягко, почти робко. Тихим пением-алгышом шаман зовёт своих духов, умоляет прийти и помочь ему:

*Я родом оттуда, где Черное Небо,
И я превратился в легкий ветерок,
И я спустился вниз, когда мгла,
И так я веду воздушную разведку.*

*И вот я оказался в другом краю,
Между планетой Шолбан и звездами.
И мой путь очень далек и труден,
И потому лечу дальше, ведя камлание.*

*И вот я долетел до Белого Неба,
И меня светлое солнце так жгло,
И мне пришлось оттуда удалиться вдаль,
И медленно и плавно спускаюсь я вниз.*

*Воздушный свой путь я продолжал вниз.
И долетел я плавно до самой Луны.
Хладная Луна меня так ударила тогда,
Еще медленно и плавно спускаюсь я вниз.*

*И вот я долетел до самых туч, наконец,
Где я растерялся и заблудился в тумане.
Вскоре я покинул те тучи, опять спустился,
И так я приземлился там, где седые хребты.*

Холур встал и подошел к большой девочке, горловым пением продолжая призывать своих духов-помощников, называя их самыми ласковыми и торжественными именами. Напоминал о том, как всегда добры были они к нему, всячески расписывал, приукрашивая, их заслуги. Робко молил их о помощи, в голосе ничуть не слышалось требовательных ноток.

Икота становится громче, дрожь — заметнее. Шаман прекратил курить, лицо его бледно, голова низко опущена, глаза полузакрыты. К этому моменту на середине юрты успели положить белую кобылью кожу. Холур, взяв ковш холодной воды, делает несколько больших глотков и медленным сонным движением отыскивает на войлоке приготовленную заранее колотушку бубна. Выходит на середину юрты и, сгибая четыре раза правую ногу в колене, совершает торжественный поклон на все четыре стороны света, при этом брызжет вокруг себя водой изо рта.

Огонь в очаге тухат. При слабом мерцании углей ещё некоторое время виднеется в

темноте неподвижная фигура шамана, сидящего понуря голову и держащего перед грудью бубен. Лицо обращено на юг. Все присутствующие затаили дыхание. В непроглядной тьме слышно только невнятное бормотание шамана. Наконец всё затихает, водворяется мертвая тишина. Немного спустя раздаётся сдержанный, но резкий, как лязг железа, зевок, и вслед за тем где-то в глубине юрты громко, чётко и пронзительно кричит сокол, потом жалобно плачет чайка. После новой паузы начинается лёгкая, как комариное жужжание, дробь бубна: шаман играет свою музыку. Вначале нежная, мягкая, неуловимая, потом нервная и пронзительная, как шум приближающейся бури, музыка растёт и усиливается. На общем музыкальном фоне поминутно и дико каркают вороны, клеочут соколы и орлы. Удары по бубну сливаются в непрерывный гул. Колокольчики, погремущики, бубенчики гремят и звенят не утихая.

Поток звуков совершенно поглощает сознание присутствующих. Вдруг всё обрывается. Ещё один-два мощных удара в бубен, и волшебный «дунгур» падает на колени шамана. Всё разом смолкает. Приём этот повторяется с небольшими изменениями несколько раз. Когда Холурааш подготовил таким образом людей, музыка меняет темп, к ней присоединяется песня-алгыш, отличающаяся мрачным тоном:

*Услышь меня, услышь меня, мой конь!
Услышь меня, услышь меня, мой медведь!
Придите, мои птицы!
О, мой ворон, ты, кто летает среди черных облаков,
Ты, кто летает под девятью небесами,
Ворон с кровавым глазом, кормящийся падалью!
О, ты, кто летает днем и ночью,
Ты, кто чувствует землю, ты, мой чернявый!*

Холурааш посредством песнопений заставляет снизойти на него духа-покровителя и начинает на разостланной коже подпрыгивать и топтаться. Юрту заливают яркий свет возобновленного огня. Шаман непрерывно пляшет, поёт и бьёт в бубен, повернувшись лицом сначала на юг, потом на запад и восток. Он бешено прыгает и кривляется.

Наконец, Холурааш узнал всё, что ему нужно. Он раскрыл, кто причинил болезнь, заручился обещанием могущественных духов о содействии. Кружась, танцуя и ударяя колотушкой в бубен, шаман направляется к больной:

*Ты, мой серый орёл!
О, прекрасная сова-небо, пьющая кровь человечесю,
Поедающая плоть дикого животного!
О, тайга, дикая тайга, ты, что всегда в цвету, ты, моя мать!
О, темный господин с двумя головами,
Приветствую тебя! Честь и слава тебе!
Помоги мне ты, мой конь, уста твои черные, уста коричневые!
Стой в готовности!*

Возбуждение шамана растёт, он то вскакивает, то приседает, склонившись к коленям. Железные пластинки звенят. Раздается несколько сильных ударов в бубен, следует пауза. Шаман открывает глаза, вытирает пот, отхлебывает чая из пиалы, делает короткую затяжку из трубки.

Духи явились, и теперь он снова отправил их в дорогу. Им предстояло облететь всю окрестность и узнать, кто болен, кто заболевает, а кто умрёт. После этого они должны вернуться и подробно поведать шаману, от чего недомогают больные, ведь Холур способен вылечить только в том случае, если знает причину болезни.

Он снова посредством нежного пения под звуки бубна и звон колокольчиков обращается к духам, предупреждает о подстерегающих на пути опасностях: здесь — пропасть, там — опасный перевал. Они ни в коем случае не должны сбиться с пути и заблудиться. Наступает очередная пауза. Духи не возвращаются. Шаман умоляет их поторопиться. Он так устал, что больше не выдержать: «Возвращайтесь быстрее!» Наконец, духи-помощники вернулись и рассказали обо всем, что узнали. Теперь шаману известно, какие болезненные духи являются причиной болезней, от которых он должен лечить. Шаман обратился к духу, поселившемуся в больной девочке:

*Иди сюда, давай вместе выкурим табак!
Иди сюда, давай вместе выпьем араки!
Прокатись вместе со мной на лошади!
Давай вместе укроемся моей шубой!*

Шаман рассыпает похвалы и упрасивает. Он хочет вызвать сочувствие у духа:

*Я единственный ребёнок моей матери.
Не однажды я наслаждался вкусным её молоком.*

*Не однажды я лежал на груди моей матери и пил её теплое молоко.
Во мне не осталось ни кровинки, мое тело бесплодно.
Мои ребра выступают, щеки ввалились, я не могу больше есть.*

Что означает: «Я так беден и несчастен, а ты, дух, заставляешь меня так долго звать к твоему милосердию».

Наконец, Холуру удалось укротить духа, поселившегося в больной. Он в разные стороны размахивал бубном над головой девочки, пока не поймал духа лентами, свисавшими с ручки бубна. Всё! Теперь дух сидел в бубне. Шаман выбежал из юрты, повернул кругом бубен и вышиб духа в воздух.

Теперь больная должна выздороветь: болезненный дух оставил её тело и юрту. Моление закончилось. Шаман снял костюм и шапку, некоторое время посидел молча. Затем достал из люльки ребенка, поцеловал в лоб, передал матери. Отец ребенка подсел к огню и робко поднял на Холурааша глаза, полные любви и надежды.

Так Холурааш вел камлание каждый вечер.

Однажды к Холураашу приехал дядя, старый шаман Бадарчы, и говорит:

— После нечаянного огнестрельного ранения чернеет кожа на пораженных участках левой кисти нашего родственника Куске. У него жар. Спасти можно, если отрезать черное мясо. Я уже стар. Из всех шаманов Монгун-Тайги на отсечение кисти можешь решиться только ты. Я не забыл, как ты отсек отмороженные черные ступни Мынмыру, который сейчас на коленях ходит. Бери всё необходимое и в путь.

По прибытии на место Холурааш сказал дяде:

— Чтобы спасти человека, надо заколоть собаку.

Сот-оол взялся за щенка, а Бадарчы принялся помогать Холураашу. Тот разложил на кусочке выделенной кожи свои инструменты: остро отточенные ножи, иголки и кости, туго скрученные нитки из жил яка (сарлыка), лоскутки шкур и длинные полосы хорошо выделанной, как замша, мягкой и чистой сарлычьей кожи. В руках Холурааша появилась маленькая кожаная фляжка. Он её открыл, попробовал осторожно кончиком языка и, разжав стиснутые зубы Куске, влил содержимое ему в рот. Куске рванулся, задержался, но Холурааш надавил коленом на грудь и придержал его. Через некоторое время больной уже лежал спокойно, дыхание стало ровнее.

Холурааш тщательно осмотрел отточенные лезвия, плюнул на каждое, растер ладонью и остался доволен. Обратив лицо кверху, он ненадолго замер и с полужакрытыми глазами шептал заклинания. Закончив все приготовления, принялся осторожно разматывать повязки на левой руке Куске. Там, где они присохли и отдирались с трудом, шаман смачивал повязку свежей собачьей кровью. По мере того как обнажалась почерневшая кожа, сладковатый запах гноя заполнял юрту, затрудняя дыхание всех. То, что предстало глазам, трудно было даже назвать человеческой рукой: месиво.

— Больше крови, больше крови! — громко приговаривал Холурааш. — Пусть щенчья кровь отмоеет твои раны и вошьет в тебя собачью выносливость.

Обмыв раздробленные кости, шаман взялся за нож. Действовал уверенно и быстро, словно имел дело не с человеческой рукой, а с бараньей ногой. Лезвие скользило по суставам, отделяя кости и оставляя большие, свисающие лоскуты кожи. Отбросив в сторону отрезанные пальцы, Холурааш взялся за иголку с сухожилиями. Ровный, красивый шов ложился на культю, и маленькие капельки крови отмечали путь иглы.

Обильный пот покрыл лицо шамана. Изредка нетерпеливым движением локтя он смахивал пот и громко шмыгал носом. И тут случилось то, чего опасались все: Куске пришел в себя.

— Держите его! — воскликнул Холурааш. — Держите крепко! — Бадарчы и Сот-оол навалились на оперируемого. — Главное, чтобы он не мог пошевелить рукой! — распорядился шаман. — Ты, дядя, держи за руку, и ты, Сот-оол, не давай ему шевелиться. Шью.

— Не шевелись! Холурааш умеет шить, — говорил Бадарчы несчастному. — Он делает тебе такой шов, что будешь перед друзьями хвастаться. Нитки из сарлычьих жил крепкие, не порвутся. Потерпи, осталась самая малость. Мне ведь тоже нелегко смотреть тебе в глаза.

— Вот и спасли тебе жизнь, — устало произнес Холурааш.

— У тебя почернело мясо. Смерть вплотную подошла к тебе, и ты бы навеки закрыл глаза, один только выход был — убрать черное мясо. И он это сделал, — Бадарчы кивнул в сторону Холурааша, который обмыл окровавленные руки, обтер их тряпочкой и набивал трубку с огромным, пузатым чубуком.

— О, господи! — зарыдал Куске. — Кому я нужен без руки!

Холурааш приблизился к спасённому и осторожно погладил его по голове. Ощувив прикосновение, Куске резко обернулся, увидел перед собой лицо шамана, и в это мгно-

вение сознание покинуло Куске.

— Долго будет спать, — сказал Холурааш, сложил инструменты в особую кожаную сумку и принялся собирать на лоскут телячьей шкуры останки щенка и то, что он отрезал. Оглядевшись, позвал Бадарчы: — Поможешь мне.

Из дымового отверстия юрты сыпалась снежная пыль и свет пурги мерцал тускло и таинственно. Холурааш открыл дверь, и тотчас ветер ворвался в юрту, вздыбив шерсть у собак. Шкура вырывалась из рук. Бадарчы побежал помочь покинувшему юрту Холураашу. Тот вдруг остановился как вкопанный. Шаман стоял, как обломок скалы, неожиданно возникший на пути ветра. Пурга обходила его стороной, и через минуту вокруг шамана образовалась снежная воронка. Постояв некоторое время и пошептав заклинания, Холурааш вырыл глубокую яму в снегу и опустил в нее останки щенка и отрезанные пальцы.

— Пальцы, — говорил Холурааш. — Одни лишь пальцы. Рука осталась на месте. Им будет покойно в снегу, а весной, когда солнце откопает их, придут вороны и поступят с ними на свой лад. Они знают, что делать, — шаман повернулся к дяде: — Повторяй за мной. Ты, кто не видит, но слышит нас! Пронеси мимо нас гнев Куске, как пронесится пурга весной. Отрезая руку, мы спасли ему жизнь. Вразуми его и сделай так, чтобы он понял нас.

Дядя повторял, и ветер врвался ему в глотку, задерживал дыхание, забивал снегом рот. Дядя плевался, но послушно повторял каждое слово племянника. Странно, те заклинания, которые до сих пор знал Бадарчы, большей частью были набором непонятных слов, похожих на тибетские. Обычный человек не понимал их, даже если эти заклинания принадлежали ему и были получены в полную собственность от какого-нибудь шамана. А тут Холурааш говорит обыкновенными словами, да ещё в такой момент, когда хоронит пальцы человека.

Закончив обряд, шаман притоптал снежный холмик и двинулся обратно против ветра. Он шел, рассекая своим телом упругий, словно затвердевший воздух, шел ровно и упрямо, не сбавляя шага. Бадарчы следовал сзади, дивясь силе Холурааша.

Пурга утихла среди ночи. Куске проснулся и прислушивался к тишине, к постепенному приливу сил. Несмотря на боли, он чувствовал, что выздоравливает. В следующие дни Холурааш часто навещался к больному, давал снадобья. Горячка прошла...

Главное дело Холурааша было врачевание.

— К тебе будут обращаться люди со своими болячками, — помнил он слова отца. — Тебе придется принять чужие страдания, Холур.

— Что значит принять чужие страдания и зачем мне они? Мне моих предостаточно, папа.

— Принять чужие страдания — всё равно что принять на себя чужие болезни вместе с их причинами. Ты забираешь это в глубину своего сердца, и исцеленные обретают неосквернённое блаженство... Вот оглядываюсь на свою жизнь и вижу, что из всего сделанного мною значимо только то, что было сделано ради других, сынок. В этом подлинный смысл моей жизни. Главное — быть полезным другим.